

Приключения магички Миш

Virael de la Fer

18+

Virael Fer

Приключения магички Мии

<https://litres.ru/74044906>

SelfPub; 2026

Аннотация

На заре рождения рунета в сеть выплеснулась множество всяких разных истории. В том числе и 18+. Не так давно я наткнулась на одну из них и с удовольствием перечитала ее. Но та история так и осталась в жанре порно рассказа. Я решила попробовать развить те рассказы в полноценную историю.

Итак встречайте. Магичка Мия. Юна, умна, смела и прекрасна. И ей случайно попал в руки один крайне любопытный свиток...

Содержание

Глава 1. Призыв демона	4
Глава 2. Последствия	47
Глава 3. Предложение	93
Глава 4. Ужин	132
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Virael de la Fer

Приключения магички Мии

Глава 1. Призыв демона

Мия Ланкастер.

Теплое, почти осязаемое золото свечного света лениво растекалось по углам сумрачной комнаты, выхватывая из тьмы корешки древних гримуаров и тяжелые, нависающие тени мебели. На полу, выведенный ритуальным углем и скрепленный свежей кровью пятипалого горного скворца, пульсировал безупречный круг призыва. Геометрия линий гудела от вплетенной в них магии, напрягаясь под колоссальным давлением извне.

Невероятно. У нее и вправду получилось.

Мия застыла, не смея сделать ни единого вдоха. Глаза девушки расширились от дикого, пьянящего экстаза, смешанного с леденящим душу ужасом, когда в центре начерченного контура начала сгущаться тьма, яростно разрывая саму ткань пространства. Заклинание сработало без единой осечки. Она — простая низкоранговая ученица, посмевавшая украсть запретный свиток высшего призыва прямо из-под носа у мастеров, — совершила невозможное.

В детстве она часто подсматривала из тени академических

галерей, наблюдая, как великие архимаги призывают мелких бесов для поручений или низших духов для охраны периметра. Уже тогда, парализованная благоговением, она поклялась себе, что однажды призовет сотни могущественных слуг, поставит этот закостенелый, архаичный мир магов считаться с ней и станет величайшей чародейкой своего времени. Теперь, казалось, ее детские амбиции наконец обретали плоть.

Тьма внутри круга рассеялась, и демон полностью материализовался.

На первый взгляд его можно было принять за человека — невероятно красивого, порочного аристократа с резкими, хищными чертами лица. На вид ему было не больше двадцати семи. Грациозный, как пантера перед прыжком, и возвышающийся почти на два метра, он стоял на ледяном каменном полу совершенно босой. Единственной его одеждой были простая черная шелковая рубашка с расстегнутым воротом и свободные темные штаны. Мия успела заметить аккуратный разрез в ткани сзади, из которого свободно выходил длинный, черный как полночь хвост. Он двигался сам по себе, медленно и плавно, будто его хозяин думал им отдельно от остального тела — не нервно, не угрожающе, а с той же ленивой грацией, что определяла весь его облик. Волосы, черные как сама бездна, беспорядочно падали на лоб, но две отчетливые детали мгновенно разрушали эту человеческую элегантность: его глаза горели расплавленным, ядовитым золотом с узкими вертикальными зрачками, а пальцы венчали

черные как смоль, острые как бритва когти.

От него исходила такая первобытная, концентрированная опасность, что все внутри Мии сжалось в ледяной ком. Воздух в комнате мгновенно стал тяжелым, густым от запаха озона и сухой, выжженной земли. Она мысленно попыталась успокоить себя: «Если наложить иллюзию на его глаза, спрятать когти... и хвост... он мог бы гулять по улицам любого города, не привлекая ни капли внимания. Из него выйдет идеальный телохранитель».

Оставалось лишь прочесть формулу абсолютного подчинения и защелкнуть ментальный ошейник на шее зверя. Собрав все капли стремительно тающего мужества, Мия глубоко вздохнула, вызывая все в себе, вскинула подбородок и разомкнула губы, готовясь обрушить громышающую латынь ритуала. Но прежде чем она успела издать хоть звук, ленивый, насмешливый и до бесконечности усталый бархатный голос рассек тишину комнаты:

— Ну и?

Мия поперхнулась на полуслове, закашлявшись и согнувшись пополам, мгновенно растеряв величественную грандиозность темной повелительницы.

Крон.

Высший Демон, известный как Крон, был не просто раздражен. Он был в ярости — ярости, которую мастерски скрывал за маской ленивого, кошачьего безразличия.

Его оторвали не от дел, и даже не от привычной, утомительной рутины преисподней вроде истязания грешников или сортировки манифестов. Магия призыва бесцеремонно выдернула его за шиворот в самый неподходящий момент. Последние два часа Крон вел безупречное, тонкое соблазнение дьявольски аппетитной демонессы.

Диалог лился как вино, дело неуклонно двигалось к постели, и чертовка уже кусала свои пухлые губы, провокационно потягивалась и выгибала спину в обещании незабываемой ночи. Крон уже готов был сделать свой ход, когда — рраз. Внезапный разрыв реальности, вспышка чужой магии, и вот он здесь. Вечер был полностью, бесповоротно испорчен. Даже если он разберется с этой смертной за считанные секунды, вернуться в тот же самый момент и поймать то же самое настроение будет невозможно. А это означало, что этот наглый призыватель должен ему моральную компенсацию. Самым извращенным способом.

Законы мироздания были абсолютны, поэтому Крон подчинился зову. Еще во время перехода опытный хищник проверил свои пути. К его глубокому сожалению, и связующий контур, и защитный барьер, ограждающий мага, были начерчены безупречно. В рунах не было ни единой ошибки, геометрия вибрировала от сырой силы.

Крон не торопясь осмотрелся, оценивая обстановку. Маленькая, довольно уютная мансардная комната, комод, стол, пара стульев, широкая кровать у стены, свернутый ковер...

и насмерть перепуганная девушка, застывшая в центре комнаты за пределами круга призыва. Хвост Крона дернулся за спиной — медленно, задумчиво, как у кота, чей интерес внезапно пробудился.

Демоны бездны, серьезно? Крон искренне ожидал увидеть пронизательного магистра, глубоко погрязшего в придворных интригах, с которым можно заключить пару выгодных сделок. Вместо этого перед ним стояло ходячее недоразумение в высоком корсете, узких брюках и длинном плаще, волочащемся по полу.

Девушка была парализована страхом. Крон отчетливо видел, как дрожат ее колени под складками плаща, как пальцы вцепились в ткань так сильно, что побелели костяшки. И все же она изо всех сил пыталась играть роль свирепой королевы — плечи расправлены, лицо застыло в надменном выражении. Но ее расширенные, испуганные зрачки выдавали ее с головой.

Мысленно вздохнув, Крон решил подтолкнуть бедняжку к действию, пока она не хлопнулась в обморок от ужаса.

— Ну и? — повторил он, скрестив руки на груди и слегка склонив голову.

Смертная судорожно сглотнула, переводя дыхание, и наконец выдавила первые слова. Гордые, громкие, почти визгливые:

— Назови себя, демон!

Крон не сдержался; он издал откровенную, презритель-

ную усмешку, а потом зевок, обнажив жемчужно-белые клыки, которые были острее, чем у любого человека.

Она что, спятила? Призвать Высшего Демона по общему ключу, даже не зная, кого именно и зачем она вызывает? Судя по ее воинственному, но паническому тону, она не блефовала. Это означало только одно: маленькая дуручка просто нашла древний текст, вызубрила фонетику и прочла их вслух, не потрудившись перевести свиток или выучить условия сделки.

Крон медленно, плавно прошелся вдоль края круга, как огромный, сытый кот, приглядывающийся к мыши. Хвост за его спиной замер — а затем внезапно, одним быстрым, бесшумным движением, рассек воздух, словно подводя черту под какой-то внутренней мыслью. Его взгляд — тяжелый, задерживающийся и откровенно раздевающий — скользнул по ее фигуре, задержавшись на изгибе бедер и приподнятой корсетом груди. Под этим взглядом девушка мгновенно осеклась, залившись густым, жгучим румянцем, и сделала робкий шаг назад, заработав еще одну насмешливую улыбку Крона.

Он взгляделся в ее ауру, ожидая увидеть привычную грязь, которая обычно толкает смертных на призыв сущностей Бездны. Но, к его удивлению, ментальное поле девушки было на удивление чистым. В ней не было гнили, никаких следов предательства, трусливого стукачества, мелких злословий или гнусных поступков. Она была гордой, амбициозной,

глупой и отчаянной — но не грязной. С этой будет забавно поиграть.

— Крон, — представился он, позволяя своему голосу рокотать низко и вкрадчиво, словно шорох пересыпающегося золота.

Мия Ланкастер.

В глазах чародейки мгновенно вспыхнул торжествующий огонь.

«Он назвал свое имя! Он подчиняется и не может выйти за черту!» — пронеслось у нее в голове. Внутренний ужас отступил на долю секунды, уступая место чистому, пьянящему торжеству. Раз это чудовище признало ее силу, пора приставить его к делу.

Собрав всю свою ментальную энергию, она скороговоркой, звонко и быстро, протараторила формулу абсолютного порабощения. Мия вложила в слова всю свою волю и остатки маны, ожидая, что круг вспыхнет яростным багрянцем, устанавливая железную привязь в его разуме...

Ничего. Абсолютно ничего.

Защитные руны на полу даже не мигнули. Никакой связи не возникло. Демон лишь прищурил свои невозможные желтые глаза, в глубине которых плясали искры откровенного, насмешливого веселья. Его хвост, тем временем, вытянулся прямо — медленно, почти торжественно — и замер, указывая прямо ей в лоб. Мие показалось, что даже хвост смеется

над ней.

— Сколько тебе лет, девочка? — осведомился он. Ледяной тон Высшего Демона теперь был густо приправлен иронией, от которой чародейке захотелось лишь одного — топнуть ногой от злости.

— Я не девочка! — огрызнулась она, чувствуя, как жар стыда и гнева заливают щеки. — И это не твое дело!

Почему заклинание не сработало? Она трижды перепроверила структуру! В учебниках по демонологии черным по белому сказано... стоп, что там говорилось о Высших Демонах?

— О, уже не девочка, — усмехнулся Крон, и от этой хищной улыбки она снова внутренне сжалась. Он просто играл с ней, как кот с полумертвой мышью. — И все же? Мне нужно число для протокола, моя драгоценная.

— Двадцать три, — неохотно пробормотала она, выравнивая дыхание и изо всех сил стараясь не смотреть на его обнаженную грудь. Или на хвост. Особенно на хвост, который теперь лениво покачивался из стороны в сторону — совершенно независимо, совершенно самодовольно.

Крон.

Крон мысленно (строго мысленно; его лицо оставалось безупречной маской высокомерного превосходства) изогнул бровь.

Всего двадцать три года, а плотность ее магического ядра сопоставима с опытным адептом на грани становления ма-

стером. Люди обычно корпят в своих академиях до тридцати, лишь бы накопить такой объем чистой энергии. Потенциал девушки был астрономическим. Она явно прокручивала в голове еще несколько заклиний подчинения — он чувствовал, как ее аура отчаянно, яростно тычется в его барьер. Бесплезно, маленькая дурочка. Тот самый круг, что связывал его, защищал его и от любых ее попыток стать его госпожой. Как и сам контракт, собственно.

Поняв, что ее магия бьется о каменную стену, девушка наконец перестала тратить силы и злобно уставилась на него исподлобья, как потрепанный, но до жути гордый котенок.

— Хорошо, «ужене девочка», — промурлыкал Крон, лениво разглядывая свои черные когти. — Скажи мне, если позволишь... за все то время, что тебя так прилежно учили, великие маги так и не удосужились объяснить базовые вещи, вроде чтения и письма? Как давно ты вообще закончила обучение, кстати? Сбежала пару дней назад?

Девушка вспыхнула так яростно, что, казалось, ее облили огнем.

— Конечно, я умею читать! — выкрикнула она, пытаясь вернуть остатки утраченной бравады. — И обучение я начала всего два года назад! И я ниоткуда не сбегала!

Всего два года? Крон был искренне ошарашен, хотя ни один мускул на его лице не дрогнул. С такой аурой девушка обладала феноменальным талантом. Но лучше бы ей этого не знать, иначе ее эго полностью ее затмит. И все же, си-

ла силой, но ей катастрофически не хватало элементарных знаний. Что ж, он, Крон, будет искренне рад просветить эту юную леди. За определенную цену, разумеется.

Демон хитро улыбнулся, отвесив легкий, элегантный полупоклон:

— Видишь ли, моя драгоценная, заклинание, которое ты использовала, чтобы призвать меня, — это не просто вызов домашнего питомца. Это автоматическая активация контракта "*Добровольного Соглашения*". Его изобрели древние маги, которым, в отличие от тебя, было просто лень возиться с подавлением воли и рабскими ошейниками. Концепция проста: ты призываешь меня, излагаешь задачу и называешь свою цену. А я стою здесь, слушаю и решаю, соизволю ли я работать за такую мелочь. Если я не согласен, ты предлагаешь другую цену. И так до тех пор, пока мы не достигнем консенсуса. После этого я делаю работу, ты платишь, и я исчезаю. И самая изысканная деталь — все должно быть строго добровольно. Магические круги следят за этим. Так что забудь о рабстве, маленькая ведьма. Можешь начинать стирать уголь.

— Ложь! — надменно бросила она в ответ, хотя голос в конце предательски дрогнул, а колени снова начали мелко трястись.

Крон видел, как каждая клеточка ее существа кричала, что он, ужасающий, невыносимо привлекательный монстр, говорит правду. Но признать это означало признать полное

поражение. Она явно не готовилась к переговорам! Она планировала щелкнуть пальцами и получить верного пса.

Крон лишь хмыкнул, перенося вес и делая полшага вперед:

— Увы, нет. Контракт уже активен, и ты не сможешь расторгнуть его, не предложив условий — магия круга высосет твою ману до последней капли. Итак, чего же ты желаешь от Высшего Демона?

— Что... для чего вас обычно призывают? — Она отчаянно пыталась выиграть как можно больше времени, лихорадочно соображая, как выйти из ситуации, оставшись на коне.

Крон щелкнул когтями, породив короткую кроваво-красную искру, которая растворилась в воздухе с сухим треском:

— О, спектр услуг широк. Но я превосхожден в двух вещах прежде всего: чисто устранить другого мага... или украсть то, что они охраняют сильнее всего. В этом я безупречен...

Мия Ланкастер.

Украсть у мага! В голове Мии вспыхнула блестящая, ослепительная мысль. Действительно, зачем окружать себя могущественными слугами и рисковать, если она сама может стать величайшим магом в мире? Для этого ей нужны были лишь несколько запретных книг, которые Гильдия Архиматов хранила под семью замками в запретной секции библиотеки, доступной только старым, проверенным мастерам. Но что потребует этот наглый демон взамен?

Сглотнув комок страха, застрявший в горле, она расправила плечи и рассказала Крону о книгах, стараясь, чтобы голос звучал твердо и размеренно.

Демон задумчиво-поэтично почесал свой идеальный подбородок когтем, глядя на нее из-под тяжелых ресниц. Хвост за его спиной замедлил покачивание и вытянулся — не агрессивно, а так, как вытягивается хвост кота, когда его разум решает серьезную головоломку.

— Хм. В принципе, проникнуть в хранилище твоих мастеров и умыкнуть пару пыльных фолиантов не особенно сложно... хотя, конечно, стражи там достойные, придется немного размяться. В целом, все зависит от того, как ты мне заплатишь, малышка.

Крон.

Внутренне Крон был в полном экстазе. Проскользнуть в человеческий архив и забрать книги — что может быть проще для Высшего Демона? Демоническая магия была значительно мощнее и древнее человеческого волшебства. Но он не был бы демоном, если бы не попытался выжать абсолютный максимум из этой гордой, перепуганной девушки. К тому же, она должна ответить за его испорченный вечер с демонессой.

Чародейка заметно замялась, ее величие окончательно улетучилось:

— Ну... а чего ты хочешь? Какова твоя цена?

Крон бросил ленивый взгляд по комнате, драматично вздохнув. Его хвост, действуя сам по себе, скользнул к полуоткрытому ящику комода, его кончик небрежно коснулся выглядывающего кружевного белья, прежде чем мгновенно отпрянуть — словно хозяин мысленно шлепнул его по носу, хотя лицо Крона оставалось совершенно нечитаемым.

— Обычно стандартная цена за такие услуги — твоя душа. Но... — он снова взглянул на ее чистую, яркую ауру, лишённую капли злобы, — твоя душа слишком упряма. Ты будешь за нее сражаться. Да и на что она мне? Что еще у тебя вообще есть предложить? Ни редких артефактов, ни дорогих зелий, ни золота, ни даже приличных украшений...

Взгляд Крона снова упал на девушку, и его желтые глаза сузились, как у хищника.

А она и впрямь была очаровательна. Средний рост, черные как полночь волосы до плеч, огромные зеленые глаза, которые сейчас испуганно моргали, аккуратный нос и тонкие, крепко сжатые алые губы. Высокий корсет выгодно подчеркивал упругую грудь, а узкая талия переходила в изгиб бедер, плотно обтянутых бриджами. Обладая звериным чутьем, Крон был абсолютно уверен, что под этим длинным плащом скрывается подтянутая, соблазнительная попка. Почему бы и нет? Она была сногшибательна, горда и испортила его идеально подготовленное randevu. Пусть отрабатывает.

Очевидно, его долгий, сканирующий взгляд обнажил все

его мысли, потому что Мия начала яростно краснеть, и глубокая краска залила ее лицо — гремучая смесь возмущения и стыда. Она хотела гордо отступить назад, но тут заметила, как хвост Крона медленно, почти незаметно вытянулся вперед вдоль самого края круга — не пересекая его, но обводя, словно молчаливое напоминание, что места у нее и так немного.

Демон одарил ее наглой усмешкой, оскалив клыки:

— В таком случае, моя дорогая призывательница, в качестве платы я предлагаю познакомиться поближе. Интимно. В той самой постели. На всю ночь.

— Что?! — Девушка вскинула голову, паника в ее зеленых глазах на долю секунды сменилась яростью. — Да как ты смеешь... Ты, грязная тварь Бездны! Я...

— Подумай об этом, — мягко, почти нежно перебил ее Крон, и в его голосе снова зарокотала та самая смертоносная, ужасающая сила, заставляя воздух вокруг вибрировать. — Что еще ты, нищая низшая ученица, можешь мне предложить? У тебя есть золото? Нет. Редкие камни маны? Нет. Ты либо соглашаешься на мои условия и получаешь ключи к безграничной силе архимагов... либо магия круга просто высушит твою жизнь за невыполнение активированного контракта. Выбор исключительно за тобой. Все строго добровольно, помнишь?

Мия Ланкастер.

Мия молчала. Вульгарное, наглое предложение оскорбило ее до глубины души, заставляя сердце яростно колотиться от унижения. Но на другой чаше весов лежали книги. Знания, которые сделают ее великой, которые вознесут ее над всеми теми снисходительными мастерами, что два года обращались с ней как с грязью.

К тому же... Крон не был похож на тех склизких, щупальцевых монстров, о которых предупреждали учебники. Он был сокрушительно красив, грациозен и пах грозой. А его хвост, словно назло ей, едва двигался теперь — просто лежал у его ног элегантно темным полумесяцем, и в его неподвижности было что-то почти успокаивающее. Мия поймала эту мысль и мысленно дала себе пощечину. А она, в конце концов, не была невинной девственницей, чтобы падать в обморок от одной мысли о сексе.

— Хорошо, — тихо, едва слышно произнесла она, уставившись в пол.

— Что-что? — Демон приставил ладонь к уху, откровенно наслаждаясь ее унижением и желая сломать ее гордость до конца. — Я не совсем расслышал. Высшие Демоны не очень хорошо слышат шепот смертных.

Ага, размечтался. Она не доставит ему такого удовольствия. Гордо подняв голову и встретив его горящие желтые глаза, Мия произнесла четко, не отводя взгляда:

— Я согласна. Ты приносишь мне книги, а я отдаю тебе себя на ночь.

— Великолепно, — хищно улыбнулся Крон. — Я получаю книги, ты отдаешь мне свое тело. Я принимаю твои условия.

В то же мгновение руны круга призыва вспыхнули ярким багровым пламенем, с тихим хлопком подтверждая, что магическая сделка официально скреплена незыблемыми законами мироздания.

Мия выдохнула, напряжение наконец покинуло ее плечи, но прежде чем она успела отступить, Крон слегка наклонился над границей своего круга. Он не пересекал ее, но его возвышающееся присутствие внезапно сделало маленькую мансарду удушающе тесной.

— А теперь, моя маленькая чародейка, — промурлыкал Крон, и его голос сочился бархатной насмешкой, — давай проверим это твое дорогое образование. Где именно твои любимые мастера хранят эти драгоценные запретные фолианты? Поведай мне детали. Стражи, ловушки, все такое.

Мия моргнула, на мгновение ошеломленная внезапным допросом, но быстро заставила свой голос звучать твердо, оборонительно.

— Запретная секция находится на седьмом этаже центральной башни. Дверь хранилища из железного дерева, окочена серебряными рунами — они активируются при прикосновении. Там три слоя защиты: обнаружение, паралич, а затем призыв стражей. Тебе нужно будет...

— Железное дерево и серебряные руны, — перебил Крон, издав низкий, глубоко позабавленный смешок, от которого

волосы у нее на затылке встали дыбом. Он покачал головой, его хвост качнулся от откровенного, высокомерного пренебрежения. — Как восхитительно старомодно. Скажи, твои архимаги все еще верят, что эти предсказуемые игрушки могут остановить что-то старше века?

Мия вспыхнула.

— Это сильнейшие стражи в королевстве!

— Конечно, лучший выбор для смертных, — усмехнулся Крон, и его глаза сверкнули опасным, знающим блеском.

Крон.

По правде говоря, ему вообще не нужны были ее указания. Крон знал планировку библиотеки Гильдии лучше самих Архимагов, вплоть до тайных ниш, о которых они давно забыли. И, что более важно, он знал, что конкретные запретные книги, которые слепо требовала девушка, либо поджарят ее недоразвитый мозг, либо лягут в нем мертвым грузом. Она хотела сырой силы, но у нее даже не было надлежащего фундамента, чтобы ею управлять.

Он, конечно, не собирался ей об этом говорить. Демоны не раздают бесплатных советов. Но у него возникло внезапное, злое желание посмотреть, как далеко эта яростно амбициозная, упрямая кошка сможет зайти, если дать ей правильные инструменты. Он принесет ей книги, да — но те, которые выберет сам. Древние, темные тексты, которые действительно разрушат ее ограничения, заставят ее навыки взле-

теть до небес и заставят ее разум адаптироваться к чистой сути истинной магии.

А потом он будет наблюдать, как она сожжет эту помпезную академию дотла.

— Оставайся здесь, моя драгоценная, — пробормотал Крон, пятясь к открытому окну с легкой грацией пантеры. — Не выходи из комнаты и не трогай уголь. Контракт обязывающий — если попытаешься меня обмануть, магия высосет твое ядро, пока не останется одна симпатичная оболочка.

Быстрым, слитным движением он ухватился за оконную раму. Небрежный взмах черного когтя рассек железную задвижку, как мокрую бумагу. Его хвост скользнул следом, на долю секунды придержав ставню открытой, как раз когда он оттолкнулся от подоконника.

Прыжок был беззвучным, абсолютным и до крайности насмешливым. Тьма снаружи поглотила его без следа, оставив после себя лишь слабый запах озона, выжженной земли и затихающее эхо его темного смешка.

Он не видел но догадывался, что в тот момент когда он исчез во тьме ночи ноги Мии наконец подкосились, и она опустилась на край кровати, ее руки дрожали, а щеки пытали как угли. И наверняка она подумала что-то вроде:

"Он вернется. И когда он вернется, весь ее мир изменится."

Крон вернулся, когда глубокая ночь уже полностью затопила город. Одним бесшумным, идеально рассчитанным

прыжком он влетел в открытое окно на третьем этаже, грациозно приземлившись на подоконник. Хвост позади него качнулся, удерживая равновесие, а желтые глаза мгновенно сузились, сканируя комнату.

Девушка спала.

Угольный круг на полу был скромно спрятан под свежерасстеленным ковром — значит, она позаботилась об этом. Тяжелый плащ и сапоги исчезли. Мия лежала на кровати, свернувшись калачиком, ее черные волосы рассыпались по плечам — все еще влажные, пахнущие мылом и слабой магией. Она не сняла корсет. Брюки тоже — они были обтягивающими, облекая острые изгибы ее бедер как вторая кожа. Пальцы ее босых ног едва заметно поджимались — ей снилось что-то тревожное.

"Чудесно. Пока он занимался воровством фолиантов, эта крошка просто завалилась спать!"

Крон даже не знал смеяться ему над этим или плакать. Чего он совершенно не умел. Он бесшумно соскользнул с подоконника, прикрыл окно, и только потом подошел к спящей девушке.

Он не спешил. Приблизился, наклонился чуть ниже, вдохнул — и внутренне усмехнулся. Молодая кожа, мыло, слабая магия, а под всем этим — живой, теплый страх, который она так старательно прятала за гордостью. Коктейль был изысканным. Через несколько минут это упрямое создание будет принадлежать ему.

Крон потянулся к ее приоткрытым губам — и в то же мгновение из ее ауры вспыхнул яростный магический импульс.

Мия среагировала мгновенно. Сон слетел с нее за долю секунды; силовая волна ударила точно и сильно. Обычного человека размазало бы по стене. Крон даже не покачнулся. Он поймал остаточную искру в ладонь, сомкнул пальцы — и погасил ее, как надоедливую букашку. Выпрямившись во весь свой двухметровый рост, он лишь оскалил клыки в насмешливой улыбке:

— Дерзкая девочка... Обожаю такой тип.

— Сначала покажи книги, — ее голос, несмотря на панику, прозвенел чистой сталью.

Магчика отползла к изголовью кровати, подтянула колени к груди и смотрела на него снизу вверх — испуганная и яростная одновременно. Как загнанный котенок, который ещё не решил: укусить или бежать. Но умеет только шипеть.

Крон наслаждался.

О, если бы эта дурочка знала, как чудовищно он ей солгал. В теории — если бы она поборолa страх, спокойно прочитала формулу отзыва и запечатала круг капель собственной крови — призыв можно было бы завершить без малейшего вреда. Никакой магии, вытягивающей ману досуха. Никакого обязывающего контракта. Только тихое, чистое расторжение — и он бы исчез обратно в преисподнюю, раздражённый и с пустыми руками.

Но она этого не знала. Потому что взяла свиток, заучила звуки — и не удосужилась дочитать до конца.

Крон был Высшим Демоном, а не филантропом. Кто он такой, чтобы просвещать её в демонологии за свой счёт? За всё нужно платить. За знания — особенно. А за знания краденые, схваченные второпях — вдвойне. Ему было почти жаль её. Почти.

Смакуя паузу — исключительно ради собственного удовольствия, — Крон принялся небрежно выкладывать на стол тяжёлые, пахнущие вековой пылью фолианты. Каждый падал с глухим стуком, от которого у Мии замирало сердце; он видел это по её ауре. Закончив, демон отступил на шаг, сцепил руки за спиной. Хвост выписывал за его спиной медленные, гипнотические круги над полом.

Мия сползла с кровати. Ноги слегка дрожали, но к столу она подошла ровно, с гордо поднятым подбородком — гордость не позволяла иначе. Она провела ладонью по кожаному переплёту верхнего тома, и Крон увидел, как по её лицу прокатилась волна чистого, пронзительного торжества. Настоящего. Не замутнённого ничем.

"Так вот ради чего всё это было", — отметил он про себя, с чем-то похожим на уважение.

Она потянулась открыть первую страницу.

— Твоя очередь, малышка.

Крон обхватил её талию руками — легко, без усилий — и отодвинул от стола, как передвигают фигуру на доске. Горя-

чее дыхание, пахнувшее озоном, обожгло ей ухо.

Мия повернулась к нему лицом. Помедлила мгновение — и всё же посмотрела прямо в его жёлтые, нечеловеческие глаза.

— На эту ночь я принадлежу тебе.

— Да-а-а — сквозь голос Крона прорвался бархатистый рык.

Он убрал влажную прядь с её лица — медленно, почти задумчиво — и поцеловал. Не грубо. Глубоко и требовательно, не оставляя места сомнениям. Мия издала короткий, сдавленный звук — и всё равно ответила на поцелуй, потому что тело оказалось честнее разума.

Когда он отстранился, её щёки пылали.

— Нет, — сказал Крон. — Так не пойдёт.

Он поймал её подбородок пальцами, заставляя смотреть на себя. Хвост опустился ей на плечи — тяжёлый, тёплый, совершенно бесстыжий.

— От тебя требуется значительно больше участия, — он отпустил её лицо и сделал шаг назад, разводя руки с видом человека, который умеет ждать. Хвост за его спиной дёрнулся резко и лукаво, кончик скользнул по её бедру, как молчаливое обещание. — Ну же. Соблазни меня. Или в вашей академии вас только пыль со свитков сдувать учили?

Мия Ланкастер.

Мия вспыхнула так, что, казалось, воздух вокруг неё по-

темнел от жара.

Невыносимый, самодовольный, невозможный Она сжала кулаки. Разжала. Сделала шаг вперёд.

Ладно. Пусть так.

Дрожащими пальцами она схватилась за края его шёлковой рубашки и принялась расстёгивать пуговицы — торопливо, яростно, стараясь не думать о том, какое горячее тело скрывается под тонкой тканью. Чтобы дотянуться до его губ, ей пришлось встать на цыпочки — разница в росте была унижительной. Она прижималась быстрыми, неловкими поцелуями к его подбородку и шее, злясь на собственную неуклюжесть.

Рубашка соскользнула с плеч.

Мия двинулась губами ниже — к его рельефной груди, к ключицам, заставляя себя не останавливаться. Над ней Крон издал тихий, довольный рык, и этот звук завибрировал где-то внутри неё, глубже, чем она готова была признать.

— Не останавливайся, — пробормотал он ободряюще, складывая руки за головой с видом абсолютного, сытого довольства. — Ниже.

Мия на мгновение закрыла глаза.

"Я сама сделала выбор. И должна выполнить условия сделки"

И она опустилась перед ним на колени.

Её ладони, влажные от нервного пота, нашли ремень его тёмных брюк. Она расстегнула его, костяшки пальцев слу-

чайно скользнули по обжигающей коже, и потянула ткань вниз. Крон легко переступил, отшвырнув одежду небрежным движением босой ноги.

Теперь он стоял перед ней во всей своей первозданной, пугающей красе — полностью, абсолютно готовый.

Поймав её застывший, испуганный взгляд, устремлённый на его толстый, тяжёлый, двадцатисантиметровый член, Крон снова усмехнулся.

"Боги, он же огромный! Он порвет меня всю!!!"

— Не бледней так, маленькая ведьма, — протянул он с ленивой ухмылкой. — Сначала поработай ртом. Прояви усердие.

Его слова ничуть не успокоили бедняжку. До этой ночи у Мии было всего двое парней, и не только их размеры были совершенно не сравнимы с этим чудовищем, но и сексом она занималась нечасто — учёба пожирала каждую свободную минуту. И она никогда, ни разу в жизни никому не делала минет. Это действие всегда казалось ей грязным, недостойной капитуляцией.

Но сейчас её прагматичный разум отчаянно цеплялся за единственную ниточку логики: лучше взять его в рот и покончить с этим, чем позволить этому гиганту растянуть и разорвать её маленькое влагалище.

Сглотнув ком сухой паники, Мия нерешительно протянула руку и обхватила пальцами основание его ствола. О боги Он был обжигающе горячим, пульсирующим и неподатливо

твёрдым, как мраморная статуя.

Собрав остатки таявшей смелости, она подалась вперёд и прижалась губами к самой короне, покрывая широкую головку лёгкими, осторожными поцелуями. К её полному изумлению, никакого мерзкого или горького вкуса, как она опасалась, не было. Отстранившись на дюйм, Мия заморозенно смотрела, как на кончике выступило несколько прозрачных, блестящих капель предэякулята.

Она робко слизнула их кончиком языка.

И мгновенно по её рецепторам ударил концентрированный, дурманящий вкус — дьявольская смесь ночного озона, острой зимней мяты и наркотически-сладкого мускуса. Это был чистый демонический афродизиак, проникший в кровь, как жидкий огонь. Она не могла сказать, что он ей не понравился; напротив, экзотический вкус мгновенно затуманил разум, растворяя её жёсткие академические запреты и глубоко укоренившийся стыд. Внизу живота расцвела тяжёлая, томная боль.

Окрылённая внезапной, противоестественной храбростью, Мия разомкнула губы, растягивая рот, чтобы вобрать всю головку целиком, и сделала первое глубокое, втягивающее сосание. Она вращала языком вокруг короны, пытаясь заглотить как можно больше толстой длины, дразнила чувствительную уздечку, проводила языком по стволу, а затем отстранялась, чтобы снова покрыть поцелуями кончик. Она надавила языком на крошечное отверстие на вершине, а за-

тем поглотила его снова, погружаясь в ритм.

Неожиданно она поняла, что начинает получать от этого удовольствие. Пьянящий запах кружил голову, странный вкус становился всё острее, и она уже почти не контролировала собственные движения, подпитываемая низкими, грудными стонами, вибрировавшими в груди Крона. Она чувствовала, что её трусики уже полностью промокли, собственные соки начинали просачиваться сквозь одежду.

Как же горько она жалела, что не надела более свободную одежду. Эти брюки были так непростительно узки, облегая бёдра, как вторая кожа, что она не могла даже просунуть отчаянную руку за пояс, чтобы унять невыносимую боль между бёдер. Тереться через жёсткую ткань штанов было только хуже — это лишь распалило трение, доводя её до исступлённого, безумного накала.

И именно в этот момент Крон решил уничтожить последний осколок её мысленной защиты.

Пока её рот был полностью занят его членом, его длинный, иссиня-чёрный хвост бесшумно скользнул по полу, просочился под край её распахнутого плаща и вклинился между колен. Мия издала резкий, сдавленный вскрик вокруг его ствола, когда сильная, гибкая мышца безжалостно развела её ноги шире, заставляя глубже осесть на колени.

Но хвост на этом не остановился.

Тонкий, цепкий кончик скользнул вверх по внутренней стороне бедра, подцепил тугой пояс её обтягивающих брюк

и нырнул прямо под резинку влажных трусиков.

Мия издала приглушённый, сдавленный крик, её глаза широко распахнулись, глядя на него снизу вверх. Бельё промокло насквозь, и когда чуть текстурированный, обжигающе горячий кончик хвоста Крона безошибочно нашёл её набухший, гиперчувствительный клитор, по её позвоночнику словно ударила молния. Хвост начал двигаться ленивыми, обдуманными, мучительно точными кругами, мастерски манипулируя самой интимной её плотью.

Она оказалась в великолепной, мучительной ловушке. Её рот был заполнен, лишая возможности закричать или потребовать прекратить это бесстыдное насилие, в то время как снизу её собственное тело безжалостно вели к взрывному оргазму его самостоятельный придаток. Крон просто возвышался над ней, по-прежнему сложив руки за головой, и смотрел на её обезумевшее, отчаянное лицо с выражением абсолютного, сытого, хищного триумфа.

Сводящее с ума точечное трение его хвоста о её голую, мокрую плоть сквозь тюрьму тесных штанов превратило её внутренний огонь в абсолютное неистовство. Обезумев от возбуждения и растеряв остатки драгоценной гордости, Мия принялась сосать его быстрее, жёстче, глубже, бёдра беспомощно выгибались навстречу безжалостному, порочному ритму хвоста.

Крон.

Да, девушка была совершенно неопытна. Крон вспоминал ненасытных, искушённых демонесс своего родного мира, но лишь качал головой с усмешкой. Этот неуклюжий, робкий минет доставлял ему едва ли не больше удовольствия именно своей неловкостью. Чистая, гордая академическая ведьма, отчаянно сосущая ужасающего Высшего Демона

В какой-то момент Крон заметил, что Мия пытается незаметно потереть рукой клитор сквозь тесную ткань брюк, и с её губ сорвался тихий, рваный стон. Видимо, попытки изображать невинное, стоическое бревно официально провалились. Наркотик его сущности сделал своё дело. Пора было брать контроль. Хотя, нет, сначала он сделает кое-что другое.

Его хвост плавно выскользнул из её трусиков, заставив Мию охнуть от внезапной, мучительной пустоты. Крон обхватил голову ведьмы широкими ладонями, зарываясь пальцами в её влажные чёрные волосы, и начал двигаться сам. Сначала нежно, просто надавливая на щеку, давая ей привыкнуть к огромному обхвату. Но постепенно темп ускорился, и его тяжёлый ствол погружался всё глубже и глубже, заполняя её рот целиком.

Мия Ланкастер.

Мии показалось, что у неё перехватило дыхание. Воздуха мучительно не хватало, а демон едва загнал половину своей чудовищной длины! Её инстинкты боевого мага на долю секунды вспыхнули паникой — она попыталась отстраниться,

молотя маленькими кулачками по его твёрдым бёдрам, — но Крон держал её крепко, фиксируя голову нежной, но непреклонной хваткой. Он полностью игнорировал её слабые удары, продолжая глубоко и властно трахать её в рот, заставляя полностью подчиниться своей силе.

Мия могла только молиться всем богам, которые слышат, чтобы лёгкие не подвели. И всё же, несмотря на чистый ужас ситуации, эта первобытная, грубая атака не пугала её — она испепеляла остатки воли, заставляя возбуждаться до дрожи. Она любила эту порочную, необузданную грубость до головокругления.

Наконец она почувствовала, как ствол во рту раздулся от яростной, тяжёлой пульсации. С гортанным рыком Крон загнал член на максимальную глубину, упёршись головкой в самое горло, и начал кончать.

Извержение было колоссальным. Густой демонической спермы было так много, что в голове Мии мелькнула паническая мысль — она захлебнётся. В тот момент, когда его хватка ослабла, она яростно вырвалась, кашляя и задыхаясь, и рухнула лицом на мягкий ковёр.

Часть густой белой жидкости пролилась на ворс, но большую половину ей пришлось проглотить. И вкус О боги, вкус его семени! Однажды, на первом курсе академии, Мия попробовала сперму Марка, своего бывшего, из чистого любопытства — смахнула случайную каплю с живота пальцем и лизнула. Это было отвратительно: горько, кисло и химиче-

ски.

Но сперма Высшего Демона была совершенно иной. Неве­роятный аромат озона, зимней мяты и дикого мускуса, кото­рый она заметила во время минета, теперь усилился стократ­но, взрываясь на языке чистой, сырой магической энергией.

Когда жидкость скользнула в горло, по её ядру прокати­лась ударная волна жидкого огня. Её магический резерву­ар, изрядно истощённый призывом, не просто восполнился — он мгновенно наполнился до краёв. Объём маны был на­столько огромен, что от её кожи изошла видимая, перелива­ющаяся аура, и сам воздух на чердаке задрожал и затрещал от диких искр.

Она читала в теоретических текстах, что древние ритуалы использовали телесные жидкости — кровь, слюну и жизнен­ные эссенции, — чтобы мощно расширить резервуар мага. Но она и представить себе такого не могла. Она никогда не ожидала, что абсолютным катализатором окажется демони­ческая сперма!

«Хотя кто в здравом уме признается, что пил семя Вы­сшего Демона?» — пронеслось в её одурманенных, хаотичных мыслях, пока она вытирала губы тыльной стороной ладо­ни, яростно краснея от собственной извращённой слабости. Она чувствовала себя полной шлюхой, но всё равно не мог­ла удержаться, чтобы незаметно слизнуть ещё одну каплю с нижней губы. — *«Как жаль, что всё уже кончено Я даже не успела кончить».*

Она робко подняла взгляд на демона и замерла.

Член Крона даже не начал смягчаться; он оставался таким же массивным, тёмным и опасно налитым. А в его жёлтых глазах плясало порочное, хищное пламя.

— Ты же не думала, что отделаешься так легко, маленькая ведьма? — пробормотал он, и его голос был бархатистым рыком.

С этими словами один ленивый взмах когтей сорвал остатки шнуровки её корсета, полностью обнажая прекрасную грудь. Крон подхватил девушку на руки, словно она ничего не весила, небрежно бросил на широкую кровать и медленно навис над ней, его массивное тело заслонило комнату.

Мия отпрянула, пальцы вцепились в простыни. Внутренне она приготовилась к жестокому, грубому насилию. Она ожидала, что он прижмёт её и возьмёт чистой силой, сломив остатки гордости.

Но Крон не спешил. Он был слишком опытным хищником для этого.

Он замер над ней, его золотой взгляд жадно впитывал зрелище её молочно-белой кожи, тяжело вздымающейся груди с ярко-розовыми сосками, задорно затвердевшими от холода и возбуждения, и плоского, подтянутого животика. Почему в её ауре всё ещё так много страха? Неужели она не чувствует, как идеально её тело поёт от желания?

Склоняясь ближе, Крон наклонился и захватил её губы в глубоком, медленном, собственническом поцелуе. И на этот

раз Мия не сопротивлялась. Она сдалась. Расслабляясь под его тяжёлым весом, она застенчиво обвила одной рукой его шею и слегка выгнула спину навстречу его горящему телу. Её язык игриво, нерешительно скользнул в его рот, отвечая на прикосновение. Крон усмехнулся ей в губы. На её губах не осталось и следа его семени. Эта гордая малышка действительно проглотила каждую каплю и явно жаждала ещё.

Оторвавшись от её сладких губ, Крон проложил дорожку обжигающих поцелуев по её горлу. Теперь была его очередь дарить удовольствие, связанное контрактом. Он начал с груди. Тяжёлые, упругие полушария с твёрдыми вершинками манили его. Демон принялся нежно покусывать их, обводить ареолы языком, втягивая тугую плоть в рот. Невозможно было сказать, кто получал от этого больше экстаза — Крон или сама ведьма. Из её горла вырвался громкий, сладострастный стон. Мия уже балансировала на самой грани оргазма; всё её тело плавилось. Было бы преступлением разочаровать её сейчас.

Крон не стал тратить время на попытки стянуть с неё тесные брюки, которые и без того промокли насквозь от её соков. Одним мощным, точным движением когтей он буквально разорвал ткань по швам, отбрасывая мокрые лохмотья в сторону. Затем медленным, мучительно-*deliberate* движением двух пальцев он стянул с неё маленькие чёрные трусики, растягивая томительное предвкушение того, что сейчас увидит

Гладкая, аккуратно выбритая киска юной ведьмы, буквально истекающая горячим, прозрачным соком.

Не теряя ни секунды, Крон зарылся лицом между её бёдер.

Это было ошеломляющее, запредельное ощущение. Возможно, её часовая ритуальная ванна и тихие заклинания, чтобы выглядеть безупречно перед опасным гостем, были не напрасны. Она страшилась этого соития, но теперь обжигающий, толстый язык демона сеял абсолютный хаос в её самых священных глубинах. Ни один мужчина никогда не касался её с такой нечестивой, пугающей точностью.

В тот момент, когда язык Крона захватил её набухший клитор, по её позвоночнику словно ударила молния чистейшего электричества. Обнаружив её абсолютную слабость, демон прижался лицом к её бёдрам, полностью запирая её в ловушке, и начал массировать ноющий узел нервов безжалостными, мучительно совершенными кругами — быстрее, жёстче, сводя с ума. Его язык жадно лакал её истекающий жар, ныряя в тугое отверстие, размазывая её нарастающую влагу по внутренней стороне бёдер.

— О боги! Да! ДА! — рванный вскрик сорвался с её губ, но разум мгновенно исправил бесполезную академическую привычку. — Нет не боги. Демоны ДЕМОН!!!

Мия выгнула спину в жёсткой, отчаянной дуге, дикий, необузданный крик вырвался из её груди. Оргазм обрушился на неё, как катаклизмическая приливная волна, на несколь-

ко блаженных секунд похищая сознание, пока её внутренние стенки сжимались вокруг пустоты в жестоких, ритмичных спазмах. Её разум дрейфовал на волнах абсолютного, слепящего экстаза, и только минуту спустя её тело, наконец, рухнуло обратно на матрас, подёргиваясь в беспомощной, дрожащей судороге.

Когда осознание медленно возвращалось, Мия почувствовала, как массивная, пульсирующая тяжесть прижалась к её истекающему соками входу. Её глаза широко распахнулись от острого осознания, дыхание перехватило, когда она ощутила невероятный диаметр плоти, требовавшей входа:

— Нет, подожди ты слишком....

Она не успела договорить.

Одним внезапным, безжалостным толчком бёдер вниз Крон погрузил в неё больше половины своей чудовищной длины. Зверь взломал её маленький, туго сжатый проход, безжалостно раздвигая узкие стенки. Мия всхлипнула, а затем закричала в голос — сырой, слепящий крик чистого шока и боли. Его тяжёлый член прокладывал путь глубже, расширяя неготовую плоть, неумолимо захватывая самые потаённые уголки её лона.

Она чувствовала каждую толстую вену, обжигающий, наполненный трением жар, растягивающий её так широко, что казалось, она сломается. Достигнув её абсолютных глубин, демон, наконец, остановился, жёстко упершись в шейку матки, его тяжёлые яйца прижались к её мокрым бёдрам, давая

её обезумевшему телу приспособиться к вторжению.

— Больно — прохныкала она, слёзы катились по раскрасневшимся щекам, пальцы отчаянно впивались в матрас. Мало того, что он был глубже, чем кто-либо когда-либо, так ещё и его огромная, толстая ширина была совершенно невыносима.

Однако Крон не позволил неподвижности длиться долго. Он начал двигаться, медленно выходя, пока почти не обнажил широкую головку, позволяя её тугим мышцам судорожно пытаться сомкнуться, а затем снова обрушивая всю сокрушительную тяжесть своего монстра по самую рукоять. Казалось, её насаживают на раскалённое клеймо.

Но постепенно агония начала превращаться в тёмный, тяжёлый транс. Трение порождало столько скользкого, обжигающего жара, что боль растворилась, поглощённая яростным, диким наслаждением. Демон не сбавлял жестокий темп, его бёдра вколачивались в неё в тяжёлом, мокром ритме. Вскоре Мия разлетелась на куски снова. Этот оргазм был глубже, духовнее предыдущего, вибрируя через каждую клеточку её существа, её тугие стенки отчаянно сжимали его длину, пока она конвульсивно билась вокруг него. Её конечности превратились в воду, отказываясь повиноваться. Она стала добровольной марионеткой в его руках, беспомощно поддаваясь, когда он перевернул её на четвереньки.

Крон.

«Клянусь Бездной, она невероятно узкая», — думал Крон, испытывая почти священную эйфорию, вновь и вновь вгоняя ствол в неё сзади. Каждый толчок был мастер-классом тёмного экстаза. Её обильные, скользкие соки покрывали его длину, превращая тугой канал в мокрый, лишённый трения рай. Простыни под ней промокли насквозь, испачканные доказательствами её полной капитуляции. У неё больше не было сил кричать, она лишь издавала мягкие, сдавленные выдохи и высокие, беспомощные всхлипы при каждом тяжёлом, глубоком ударе.

Но Крон хотел полностью её разрушить. Он схватил её за стройные бёдра, притягивая назад к своему паху, и вбивался в неё с дикой, бешеной силой, тяжёлый, плоть о плоть, шлепок его яиц о её упругие, округлые ягодицы гулко разносился по залитому свечами чердаку. Десять минут жестокой, непрекращающейся долбёжки спустя она кончила снова. На этот раз она не издала ни звука — лишь вцепилась в простыни так, что костяшки пальцев побелели, и весь её вагинальный канал сжался вокруг него в безмолвной, удушающей хватке наслаждения.

"*Почти*", — отметил демон, и его кровь ревела, как печь, а железная хватка грозила вытянуть семя прямо из него.

В финальной смене позы Крон встал, притягивая её обмякшее, обессиленное тело вплотную к своей груди и насаживая на свой член одним плавным движением вверх. Мия обхватила его талию руками и ногами, сцепив лодыжки за

его спиной, полностью подвешенная на его огромной силе.

Когда Крон посмотрел на неё, он увидел полностью преобразённую девушку — покрасневшее лицо, спутанные тёмные волосы, глаза, закатившиеся в бредовой капитуляции. Она больше не знала, кто она и кто он. Для неё не существовало ничего, кроме этого великолепного, разрушающего мира, первобытного секса.

Крон подошёл к всё ещё открытому окну, усаживая её на холодный каменный подоконник и подставляя голую, потную кожу прямо прохладному ночному воздуху и спящему городу внизу. Он увеличил скорость, его толчки превратились в дикие, стремительные удары, сотрясавшие всю её фигуру. Но Мия не ослабила отчаянную хватку. Напротив, движимая внезапным первобытным инстинктом, она начала вбиваться бёдрами навстречу его ярости, её мокрая влага капала на каменный подоконник, а она яростно кусала его широкое мускулистое плечо.

"Вот оно".

Одним последним, катаклизмическим толчком Крон загнал член так глубоко, как только было человечески возможно, погрузившись до самого корня. Он почувствовал, как её вагинальные стенки превратились в железо, сжимая его с отчаянной, сокрушительной силой, и, наконец, отпустил себя.

Мия Ланкастер.

«О демоны Демон!» Он трахал её прямо на подоконни-

ке, на виду у всего мира, и в этом чердаке не было богов, чтобы спасти её гордость — только он. Ей было всё равно. Она полностью отключилась. После третьего оргазма Мия и не думала, что её тело способно выдержать ещё больше удовольствия, но внутри неё его член, казалось, раздулся ещё больше, расширяясь до невозможного, обжигающего размера прямо напротив её лона. Он обрушивал на неё яростную, животную свирепость, ушибая шейку матки, сминая её голые груди в больших, когтистых ладонях. Она слышала, как тяжёлые капли её возбуждения падают на половицы внизу, и этот развратный звук лишь глубже загонял её в безумие.

Наконец она достигла точки невозврата. Ее сознание раскололось. Ей нужно было сломаться. С надломленным, прерывистым стоном ее зубы глубже впились в его плечо, когда его последний, сокрушительный толчок поразил самое ее нутро. Все внутри нее сжалось в мучительно тугом спазме. А затем поток обжигающего, густого, под давлением извергающегося демонического семени хлынул в глубочайшие недра ее тела, до краев наполняя ее палящим жидким огнем.

— А-А-А-А-А-А-А-А!

Дикий, раскатистый крик юной ведьмы расколол тихий рассвет, идеально сливаясь с глубоким, удовлетворенным рыком Высшего Демона, пока он вгонял нагрузку за тяжелой нагрузкой в ее извивающееся, экстатичное тело. ***

Первые лучи рассвета наконец пробились над горизонтом, окрашивая небо в оттенки розового и золотого. Условия кон-

тракта были выполнены, и с приходящим светом Высший Демон исчез обратно в ледяные тени Бездны так же внезапно, как и появился. Он не оставил прощальных слов, лишь задержавшийся тяжелый запах озона и растертой мяты, и тишину, столь глубокую, что у нее звенело в ушах.

Мия сидела обнаженная под открытым окном, привалившись к холодной каменной стене. Ее ноги были совершенно бесполезны, и дрожали как тростинки, тело было тяжелым, но странно невесомым. Каждая мышца ныла глубокой, сладострастной пульсацией. Ее разум все еще парил где-то в том темном, дурманящем трансе, в который Крон методично ее затянул.

Медленно, сбивчивая, порочная усмешка тронула ее припухшие губы.

— Какая великолепная ночь — прошептала она, ее голос был хриплым, сорванным шепотом.

Она посмотрела на свои дрожащие пальцы, затем провела рукой вниз по шее, по измятым грудям и ниже, к плоскому животу. Ее кожа все еще горела от его прикосновений, сохраняя лихорадочную память о каждом собственническом когте, каждом кусающем поцелуе, каждом сокрушительном толчке.

Медленно она скользнула пальцем внутрь своего ноющего, узкого входа, который уже начал сжиматься обратно, исцеленный ее собственной упругой магией. Она покрыла палец густой, перламутровой жидкостью, сочащейся из ее

сердцевины, и поднесла к губам, намереваясь еще раз попробовать этот невероятный вкус. Но в последнюю секунду она передумала и замерла.

Она прислушалась к своим внутренним ощущениям. Ее магический резервуар, который был основательно обескровлен призывом, уже был переполнен до краев, практически распирая изнутри. Более того, сырая, древняя сущность Высшего Демона заставила ее ядро расшириться, растянув его вместимость шире и глубже. Прямо сейчас поглощать еще больше этой концентрированной маны не имело смысла; ее сосуд просто не мог вместить ни капли больше.

Но то, что осталось на ее коже, на промокших простынях и что медленно вытекало из ее сердцевины, могло сослужить неоценимую службу позже. В будущем, когда ее силы снова иссякнут, этот превосходный эликсир станет ее окончательным спасением.

«Где еще на этой обыденной земле я найду такой мгновенный, колоссальный способ восполнить мою силу?» — подумала она, и в ее глазах промелькнуло хищное, темное честолюбие.

Мия потянулась за пустым хрустальным флаконом, который держала спрятанным в ящике прикроватной тумбочки для редких ингредиентов. Глубоко сосредоточившись, она прошептала короткое заклинание притяжения, направляя тонкие струйки своей вновь восполненной маны, чтобы собрать бесценный нектар. Послушная ее воле, перламутро-

во-белая жидкость — все, что еще не было поглощено или растворено ее кожей — поднялась в воздух тонкими завитками и устремилась прямо в узкое горлышко сосуда. Плотнo закупорив флакон тугой пробкой, Мия сунула его в самый глубокий, зачарованный карман своего дорожного плаща.

— Это не просто грязь, — пробормотала она, глядя на спрятанный карман. — Это ресурс. Уникальное, невероятно мощное оружие.

Она заставила себя подняться на ноги, слегка покачиваясь, когда ее водянистые мышцы запротестовали. Но ее разум уже работал с холодной, аналитической точностью, просчитывая переменные, планируя следующие шаги.

Встав перед трюмо, Мия замерла. Ее отражение было шокирующим: дикие, спутанные темные волосы, покрасневшее, распутное лицо и глаза, все еще пляшущие опасным послесвечением Бездны. Но заставила ее затаить дыхание ее аура. Она полностью изменилась. До этой ночи ее магическая сигнатура была резкой, но тонкой; теперь же видимый, переливчатый серебряный свет мерцал вокруг ее кожи, заставляя сам воздух мансарды потрескивать от блуждающих искр маны, переливающихся в пространство вокруг нее.

— Итак, — прошептала Мия своему отражению, сжимая челюсти. — Сделка завершена, но это не конец. Это едва лишь начало.

Она повернулась к тяжелому дубовому столу, где все еще лежали древние, запретные тексты, принесенные демоном.

Она провела ладонью по пыльной кожаной обложке верхнего тома, и ее улыбка стала острой, почти жестокой.

— Ты думал, что использовал меня, Крон? — выдохнула она в пустую комнату. — Но в конце концов это я использовала тебя.

Оглядывая разоренную мансарду — разорванные шнурки ее корсета, изодранную ткань обтягивающих брюк, промокшие простыни и опрокинутый стул — она больше не видела свидетельств своей уязвимости. Это были трофеи ее триумфа.

Она набросила свободный шелковый халат на голые плечи, снова подошла к окну и распахнула его настежь. Свежий утренний ветер укусил ее кожу, выметая последнюю паутину похоти из головы. Внизу город медленно просыпался, его ничего не подозревающие жители начинали свой обыденный, заурядный день.

Но она стояла над ними всеми — обновленная, многократно усиленная, вооруженная запретными знаниями и нечестивым количеством сырой силы.

— Что ж, — произнесла Мия, устремляя взгляд на восходящее солнце. — Время для следующей фазы.

Она бросила последний взгляд на кровать, и темное обещание затвердело в ее груди. Будут новые заклинания, новые границы, которые предстоит сломать. И рано или поздно будет еще один призыв. Еще одна встреча с ее демоном.

Но в следующий раз все будет на ее условиях.

Потому что теперь она знала главный секрет Академии: магия приходит во многих формах. И иногда самый великолепный источник силы находится в самых темных, самых порочных местах.

Глава 2. Последствия

Архимаг Калаис.

Приём в Большом Зале Гильдии Магов был приурочен к знаменательной дате: пяти тысячелетию со дня основания Академии. Юбилей, отмечаемый с большим размахом, собрал под сводчатыми потолками старейшего магического учреждения королевства всех, кто что-то значил в мире магии — и многих из тех, кто лишь хотел бы значить.

Хрустальные люстры заливали мраморные полы мягким золотистым светом. В углах искрились фонтаны игристого вина. Официанты в белых перчатках скользили между гостями с подносами, полными устриц и крошечных тартелеток с чёрной икрой.

Дамы в шёлковых платьях, расшитых магическими нитями, щебетали о последних имперских модах. Господа во фраках с серебряной вышивкой с равной степенью наигранной важности обсуждали биржевые котировки и новые заклипания.

Праздник удался на славу. Оркестр играл вальсы. Фейерверки из чистого пламени взмывали к потолку, рассыпаясь алыми и золотыми искрами. Гости смеялись, чокались бокалами, флиртовали, строили планы на будущее и забывали о неприятностях.

И всё же в воздухе витал едва уловимое чувство фальши.

Слишком громко смеялись. Слишком воодушевлённо звенели бокалами. Слишком старательно все избегали говорить о том, что случилось четыре месяца назад.

Архимаг Калаис стоял у центрального окна, сжимая в побелевших пальцах бокал с выдержанным эльфийским вином, и изо всех сил старался удержать на лице маску благодушного спокойствия.

Ему было за двести, но магия сохраняла его сухощавым и гладким, как начищенный сапог. Серебристая борода аккуратно подстрижена, тёмно-синяя мантия с золотой вышивкой — символ его статуса. Только глаза — узкие и цепкие — выдавали усталую настороженность человека, слишком долго плававшего среди акул и привыкшего держать удар.

Он следил за гостями и в сотый раз перебирал варианты.
"Кому это было выгодно?"

Кража фолиантов случившаяся полгода назад была не просто дерзкой — она была идеальной. Ни единой зацепки. Ни единого свидетеля. Ни одной сработавшей сигнализации. Можно было подумать, что книги просто испарились — или что их забрал тот, кого охранные чары не воспринимали как угрозу.

Церковникам рассказали о пяти дневниках архимагов прошлых веков. Эту версию и скормили газетам. Публика проглотила её, не моргнув глазом. Но Калаис знал правду.

Вместе с дневниками исчезли ещё два фолианта. Те, о существовании которых знало лишь пять человек во всём ми-

ре. Те, в которых описывались методы раскрытия магического потенциала, запрещённые пятьсот лет назад — практически на заре основания Академии.

Методы опасные. Не потому, что содержали тёмную или проклятую магию. А потому, что были слишком действенными. Слишком прямолинейными. Они учили мага раскрывать свой потенциал за месяцы, а не десятилетия, минуя долгие годы дисциплины, самоограничения и формирования характера.

Любой глупец с искрой мог, следуя этим инструкциям, за год добиться того, на что у обычного мага уходила половина жизни. А за пять лет — либо стать гением, либо уничтожить себя. Потому что магия не прощает безрассудства.

Не магия сводит с ума; магия — всего лишь инструмент. Безумие приходит, когда человек с огромным потенциалом, но без психологического стержня получает силу раньше, чем научится ответственности. Быстрый результат без долгой школы дисциплины, осознания последствий и установления границ — вот что ломает личность.

Архимаги древности спрятали эти книги не из жадности и не из страха конкуренции. А потому, что видели, что случалось с теми, кто шёл лёгким путём. Талантливые, могущественные, гениальные маги превращались в безумцев, одержимых манией величия, разрушая себя и всё вокруг. А если такой маг выживал, он обычно становился тираном.

Калаис видел это своими глазами. Однажды. Ещё в юно-

сти. Молодой некромант, который честно пытался идти своим путём. Но некромант. Одного этого было достаточно для остальных.

Что случилось потом, все старались не вспоминать. Реки крови и армии нежити, идущие против войск, стянутых к его последнему убежищу. Ему не нужна была эта сила. Но его заставили её взять. Даже учитывая, что в итоге это его не спасло.

Поэтому он знал: тот, кто украл эти книги, либо не понимает риска, либо понимает, но ему всё равно. И вторая возможность пугала его куда сильнее.

«Но кому это нужно?» — снова и снова спрашивал он себя, скользя взглядом по залу.

Вот герцог Эстеран. Один из богатейших людей королевства, коллекционер магических редкостей. У него есть деньги, чтобы подкупить стражу, и связи, чтобы замести следы. Но зачем ему эти книги? В его личной библиотеке — тысячи томов, включая несколько древних оригиналов. Пропавшие фолианты не стоят и доли его состояния. И главное — он не маг. Ему они бесполезны.

Вот магистр Торн. Один из сильнейших боевых магов своего поколения. У него есть всё: сила, деньги, влияние. Его потенциал раскрыт на сто процентов. Что ему дадут эти фолианты? Он и так знает всё, что в них написано, и даже больше. Эти книги для него — как учебник анатомии для начинающих перед хирургом высшей категории. Ненужны.

Вот леди Сильвана, глава тайной канцелярии. Хранительница секретов, повелительница ментальной магии. У неё есть доступ к архивам, о которых другие могут только мечтать. Если бы она захотела эти книги, она могла бы прочесть их, не выходя из кабинета, под каким-нибудь легальным запросом. Ей бы не понадобилось рисковать кражей.

Вот отставной архимаг Кроули. Старый, жёлчный, обиженный на Гильдию за то, что его обошли с повышением. У него есть мотив. Но его резервы уже не те, что раньше. Он физически не смог бы обойти защиту, даже если бы знал как.

Вот глава конкурирующей школы, Вальдес. Он мечтает ослабить Гильдию, переманить лучших учеников. У него есть мотив. Но его методы всегда были грубы, прямолинейны. Такая тонкая, филигранная кража — не его почерк.

Вот талантливый студент Рейнар, чей потенциал так и не оценили по достоинству, и он затаил обиду. Молодой, амбициозный, злой. Но у него нет знаний, чтобы взломать хранилище. И денег, чтобы нанять того, кто взломает.

Калаис перебирал имена, лица, биографии. И каждый раз спотыкался об один и тот же камень:

Зачем кому-то из них именно эти книги?

Украсть секреты — понятно. Украсть формулу философского камня — понятно. Украсть заклинания порабощения или некромантии — понятно. Но эти фолианты... Они не дают власти над миром. Они лишь предлагают быстрый путь к собственной силе. С риском потерять рассудок.

Кому это может понадобиться?

Тому, кто чувствует, что его потенциал огромен — но раскрывается слишком медленно. Тому, кто нетерпелив. Кто боится, что не успеет. Кто уже имеет психологический стержень — чтобы не сломаться под давлением слишком быстро обрётённой силы.

Или тому, кому нечего терять.

Калаис перебирал, перебирал, перебирал.

Гости пили, смеялись, танцевали. Фейерверки взлетали вверх, и дамы в шелках ахали от восторга, прижимая к груди униженные драгоценностями руки.

И тут его взгляд случайно упал на молодую женщину, стоявшую у стены в компании других студенток. Она не принимала участия в общем веселье, не пыталась влиться в разговоры. Она просто стояла с бокалом в руке и спокойно рассматривала зал, словно изучала зверинец. На её губах играла лёгкая, едва заметная полуулыбка — не высокомерная, скорее... наблюдательная.

Мия Ланкастер.

Архимаг знал её досье почти наизусть — как и досье всех талантливых студентов, на которых держалось будущее Гильдии.

Двадцать три года. Дочь умеренно сильного мага и простолюдинки. Поступила два года назад, уже имея за плечами домашнее обучение и такую плотность магического ядра, которой позавидовали бы некоторые выпускники.

Инструкторы сразу отметили её: усидчивость, острый аналитический ум, не по годам развитая психологическая зрелость. Она не бросалась очертя голову в опасность, не кичилась талантом, не пыталась всем доказать, что она самая умная. Она просто училась. Впитывала знания. Всегда взвешивала последствия своих действий — качество, особенно ценимое старыми магами, уставшими от безрассудных вундеркиндов, сжигающих себя и других.

Недавно она прошла свою первую серьёзную аттестацию, получив звание Мага в двадцать три года. Обычно на эту ступень поднимались к тридцати. Да, это рано. Да, это уникально. Но не беспрецедентно. История знала таких вундеркиндов — раз в поколение, раз в два поколения. Огромный потенциал, помноженный на усердие и осторожность, даёт результаты, которые выглядят как чудо, а на деле — лишь закономерный итог.

До кражи Мия была хорошей студенткой — очень хорошей. Стабильно входила в тройку лучших на своём курсе, и по некоторым дисциплинам — и во всей Академии в целом. Но после... После её рост стал вызывать тревогу. Не потому, что раньше она была слабой — она никогда не была слабой. А потому, что темп этого роста изменился: слишком резко, слишком вовремя.

Она не стала гением из ничего. Она стала ещё большим гением из гения. И это было странно.

Калаис поймал себя на мысли, которую тут же отогнал.

Она вернулась. Он отогнал её снова.

«Нет, — сказал он себе. — Это абсурд. У неё нет мотива. Она и так лучшая. Зачем ей рисковать всем, крадя то, что и так придёт к ней со временем?»

Нетерпение? — возразил внутренний голос. Желание ускорить процесс? Страх, что кто-то может её превзойти?

«У неё зрелая психология, — напомнил себе Калаис. — Она взвешивает последствия. Такие, как она, не совершают краж ради сиюминутной выгоды».

А что, если она просчитала, что последствия — приемлемая цена? Что риск стоит результата? Что у неё и вправду есть стержень — и она не сломается там, где сломались другие?

Архимаг поморщился. Он не любил, когда интуиция спорила с логикой. Логика говорила: нет, не она. Интуиция... Интуиция просто молча указывала на её спокойное, сосредоточенное лицо и шептала: *Присмотрись*.

Потому что почти все остальные кандидаты отпали. Все, у кого был мотив, средства и знания, исключались один за другим. Кому-то эти книги были не нужны — они и так были сильны. Кому-то нужны, но не хватало ни ума, ни ресурсов. Кто-то, возможно, и обладал умом, но их почерк не совпадал с филигранностью кражи.

А Мия... У неё были и ум, и ресурсы, и потенциал, и доступ к информации о хранилище (старшекурсники стажировались в архивах). У неё было всё, кроме очевидного мотив-

ва. Но мотив можно было скрыть. А потенциал, ум и психологический стержень не по годам — нет.

"Шатко, — признал Калаис. — Абсурдно. Но у меня нет других зацепок."

Он сделал глоток вина, чувствуя, как терпкая жидкость обжигает горло.

Проверить её, — решил он. — Неофициально. Без Инквизиции. Без шума. Просто понаблюдать, задать пару вопросов наедине, посмотреть в глаза. Если она виновна — я узнаю. Если нет — никто ничего не потеряет.

В центре зала оркестр заиграл новый вальс. Пары кружились в танце, сверкая драгоценностями и дорогими тканями.

Девушка допила шампанское, поставила бокал на поднос проходящего мимо официанта и, не оглядываясь, направилась к выходу. Спокойная, уверенная, не выказывающая ни малейшего волнения. Её плащ мягко струился за плечами. Каблуки стучали по мраморному полу в ритме, который не совпадал с музыкой.

Калаис смотрел ей вслед, пока дверь за ней не закрылась.

"Мия Ланкастер, — подумал он. — Посмотрим, что ты за птица."

Калаис перевёл взгляд с удаляющейся Мии на толпу, и почти сразу, среди пёстрой людской массы, его взгляд наткнулся на другое лицо — которое он предпочёл бы не видеть.

Он стоял у колонны у дальней стены, в стороне от света прожекторов, почти сливаясь с тенью. Пепельно-серые воло-

сы, жёсткие как проволока, зачёсаны назад. Лицо — будто вытесанное из песчаника грубой, но умелой рукой: тяжёлая челюсть, острые скулы, прямой нос с едва заметной горбинкой. Ни намёка на улыбку, ни капли участия в общем оживлении. Одет не во фрак, как того требовал дресс-код, а в тёмный охотничий костюм из плотной, но мягкой кожи. Никаких украшений. Никакой магии, которую можно было бы засечь. В руке — бокал с шампанским, но он даже не пригубил его — просто держал в пальцах, для видимости.

Роран Греймейн. Полукровка. Сын оборотня, не унаследовавший способности к трансформации, но получивший в дар звериное чутьё, выносливость и то самое упрямство, которое позволяет прогрызать гранит, пока не сточатся зубы и цель не будет достигнута.

Калаис внутренне поморщился, хотя лицо его не дрогнуло.

Он не верил, что эта затея увенчается успехом. Не потому, что Греймейн был плох — чёрт возьми, у полукровки была репутация, которой позавидовали бы лучшие сыскари королевства. За десять лет он раскрыл больше дел, чем магическая полиция за предыдущие двадцать. Вампиры, оборотни-отступники, проклятые артефакты, серийные ритуалисты — Греймейн брался за всё, что другие считали безнадежным, и почти всегда добивался результата.

Но эта кража была иного порядка. Никаких следов, никаких запахов, никаких свидетелей. Нет тела, которое можно

обнюхать, нет преступника, которого можно выследить по горячим следам. Есть тишина — идеальная, пугающая тишина.

"Это не его стихия, — думал Калаис, наблюдая за неподвижной фигурой у колонны. — Он охотник на тварей. Он чувствует кровь, пот, страх. А здесь — ничего. Только книги и пыль."

Церковники привлекли Греймейна как «независимого эксперта со свежим взглядом». Калаис подозревал, что на самом деле они просто искали козла отпущения — полукровку, которого не жалко будет бросить на растерзание, когда расследование окончательно зайдёт в тупик.

Но, даже признавая таланты этого человека, Архимаг не собирался раскрывать ему правду. Ни ему, ни церковникам. Пусть нюхает воздух, допрашивает, кого сочтёт нужным, создаёт видимость работы. Калаис справится сам.

"Пусть побегает, — решил Архимаг. — Может, ему повезёт. Может, его звериное чутьё уловит то, что мы проглядели. Но правду о книгах я ему не скажу. Ни ему, никому другому."

Он уже собирался отвернуться, но в этот момент Греймейн медленно поднял голову — и посмотрел прямо на Калаиса.

Через сотню голов. Через звон бокалов и приглушённый смех дам. Через сияние люстр и блеск драгоценностей. Их взгляды встретились на долю секунды — и за эту секунду

Архимаг вдруг почувствовал то, чего не ожидал.

В серых, почти бесцветных глазах полукровки не было ни подобострастия. Ни вызова. Ни даже той тупой животной агрессии, которую Калаис привык ассоциировать с оборотнями. Там было лишь холодное, бесконечно усталое обещание — не угроза, не просьба о помощи, просто констатация факта:

Я найду, читалось в его глазах. Не потому, что меня попросили. Не потому, что мне заплатили. Потому, что я такой. Потому, что иначе не умею.

Калаис первым отвёл взгляд, чувствуя, как по спине пробежал неуместный, почти детский холодок.

"Бездна, — подумал он. — А ведь может. Этот пёс и впрямь может учуять то, чего не видим мы."

Он поймал себя на мысли, что в этом взгляде было что-то... нечеловеческое. Не в смысле «звериное». В смысле — слишком прямое для политика, слишком честное для интригана. И это тревожило.

"Глупости, — сказал он себе, делая глоток вина, чтобы скрыть лёгкую дрожь в пальцах. — Я устал. Мы все устали. Полукровка опасен, но не настолько, чтобы его бояться. Уважать — да. Но не бояться."

Но внутренний голос, тот самый, что только что нашёптывал о Мие, теперь насмешливо добавил: Может, ты зря ему не доверяешь? Может, он единственный, кто действительно ищет — а не делает вид?

Калаис отогнал и этот голос.

Он поставил бокал на поднос проходящего официанта, расправил плечи, поправил мантию, вернул на лицо маску радушного хозяина и шагнул в центр зала, под аплодисменты и любопытные взгляды.

— Дамы и господа, — начал он, и его голос, усиленный магией, раскатился под сводчатыми потолками. — Пятьсот лет назад наши великие предки...

Роран Греймейн

Гости аплодировали. Оркестр взял торжественный аккорд. Фейерверки из чистого пламени взмывали к потолку, рассыпаясь алыми и золотыми искрами, и тени плясали на стенах, размывая лица и фигуры.

Роран Греймейн стоял, прислонившись к одной из колонн, и представлял, с каким удовольствием он отправил бы на костёр большую часть присутствующих в этом зале.

Он не слушал речь Архимага — как и никого в этом зале. Его ноздри почти незаметно, автоматически, на полубессознательном уровне раздувались, втягивая воздух, густой от сотен запахов: дорогих духов, пота, вина, страха, лицемерия, возбуждения, лжи. Он не пытался их анализировать — он просто запоминал, расставляя метки. Сотни, тысячи запахов, которые, возможно, пригодятся позже — или никогда не пригодятся. Это была его привычка. В его работе лишняя информация никогда не была помехой.

Архимаг вещал о величии предков, о славном пути Ака-

демии, о светлом будущем магии. Гости слушали с наигранным благоговением. Греймейн думал о том, сколько ещё ему придётся терпеть этот серпентарий.

Он ненавидел магов. Их высокомерие, их бесконечные интриги, их уверенность в собственном превосходстве над теми, кто не родился с искрой в крови. Полукровка — ни рыба ни мясо — был для них просто говорящей собакой, которую можно натравить на проблему, а потом усыпить, когда она перестанет забавлять.

Греймейн перевёл взгляд на дверь, в которую несколькими минутами ранее выскользнула молодая женщина в тёмном плаще. Он не обратил на неё особого внимания — одна из сотен гостей, ничем не примечательная. Разве что ушла до начала официальной части, что было странно. Но не настолько, чтобы вызвать его интерес. Разумеется, он запомнил и её запах. И не будь она магом, возможно, даже попытался бы её выследить и завести знакомство. Потому что, в отличие от многих, она пахла почти невинно — как горная фиалка после грозы.

«Повезло ей», — равнодушно подумал он. — «Я бы тоже ушёл, если бы не этот проклятый контракт».

Он так и остался стоять у колонны, в тени, которую не могли разогнать даже магические огни. Слушал вполуха, вдыхал запахи и считал минуты до того момента, когда можно будет наконец уйти.

Праздник продолжался. Фейерверки взлетали ввысь. Го-

сти аплодировали.

Роран Греймейн ждал.

Три дня назад Роран Греймейн стоял у колонны в магическом зале, вдыхал запахи сотен магов и мысленно расставлял метки. Тогда это было лишь привычкой — автоматическое сканирование территории, которое опытный охотник не отключает даже во сне. Теперь эти метки превратились в зацепки, а безликие запахи обрели имена, адреса и биографии.

Он спал по четыре часа в сутки, не пил ничего, кроме чёрного кофе, и передвигался по столице как маятник — от одного адреса к другому, от одного допроса к другому, не позволяя себе ни минуты простоя.

Греймейн прочитал все отчёты магической полиции, все свидетельские показания, все досье инквизиторов, бившихся над этой кражей до него. Но он не просто читал — он впитывал бумаги носом, улавливая запахи, оставшиеся на страницах от каждого допрашиваемого. Запах страха пахнет железом и йодом; ложь пахнет кислым, как перебродившее вино; вина пахнет стоячей водой. Те, кто лгал инквизиторам, пахли иначе, чем те, кто говорил правду. К концу первого дня Греймейн уже знал, каким свидетелям можно верить, а чьи показания стоит отложить в сторону до личной встречи.

Он поговорил со всеми, кто имел доступ в хранилище за последние полгода — от архивариусов до уборщиков, от магистров до студентов-практикантов. И он не просто задавал

вопросы, записывая ответы в блокнот. Он слушал сердцебиение, следил за пульсацией крови на шее, улавливал микроколебания голоса, которые выдают ложь быстрее любых слов. За годы охоты на тварей, умеющих менять облик и лгать даже собственной тени, он научился слышать то, что люди прячут за вежливыми улыбками и заученными алиби.

Он обнюхал каждый коридор хранилища, каждый дверной проём, каждую подозрительную пылинку, оставшуюся в углах после уборки. Запах вора — если вор был человеком — не мог исчезнуть бесследно. Кожа, пот, магия, страх, напряжение — всё это оставляет следы, которые держатся неделями, особенно в замкнутых пространствах с плохой вентиляцией. Но хранилище пахло чисто. Слишком чисто. Как будто кто-то прошёлся по следу магией, выжигающей любые остаточные ароматы.

И это стало первой настоящей зацепкой.

Греймейн составил список. Не длинный — всего шесть имён. Шесть магов, которые теоретически могли провернуть кражу. Не потому, что у них был доступ — доступ в хранилище имели почти полсотни человек, от уборщиков до Совета Гильдии, — а потому, что они обладали способностями, знаниями и ресурсами, чтобы обойти то, что обычный маг даже не заметил бы.

В списке значились:

Магистр Торн, командовавший охраной хранилища и знавший все слабые места защиты;

Архивариус Кроули, проработавший в архивах тридцать лет и знавший каждый угол;

Отставной боевой маг Вейн, с позором уволенный из Гильдии и поклявшийся отомстить;

Трое студентов с феноменальным потенциалом, которых в коридорах Академии называли «вундеркиндами»: Рейнар, Ирис и Мия Ланкастер.

Первых пятерых он проверил за два дня.

Магистр Торн оказался слишком стар — почти триста восемьдесят. Хотя его магические резервы всё ещё были внушительны, физически он уже не смог бы проникнуть в хранилище, минуя ловушки, требующие ловкости и быстрой реакции.

Архивариус Кроули был слишком большим пьяницей, чтобы организовать что-то сложнее собственного похмелья. Он пил каждый вечер, и его почерк в протоколах допросов дрожал так, что слова расплывались в каракули.

Отставной боевой маг Вейн в день кражи находился на другом конце страны, и его алиби подтверждали три независимых источника — включая магический отпечаток на таможне.

Студенты Рейнар и Ирис вызывали подозрения, но после личных встреч Греймейн вычеркнул и их. У Рейнара была грязная аура — он не смог бы пройти незамеченным мимо охранных чар, реагирующих на малейшие искажения. Ирис, при всём её таланте, имела слишком слабый резерв — ей не

хватило бы маны даже на половину того, что требовалось, чтобы снять защитные печати, не говоря уже о том, чтобы снять их незаметно.

Оставалась одна.

Мия Ланкастер. Двадцать три года. Маг — на семь лет раньше среднего срока.

Греймейн стоял тем утром у двери скромного трёхэтажного дома в тихом районе, разглядывая потускневшую медную табличку с её именем. В руке он держал досье, которое перечитывал уже в четвёртый раз за последние сутки. И каждый раз находил в нём что-то новое — не потому, что менялся текст, а потому, что с каждым часом углублялось его собственное понимание прочитанного.

Два года назад Мия поступила в Академию, уже имея за плечами домашнее обучение и такую плотность магического ядра, которой позавидовали бы некоторые выпускники. Инструкторы сразу отметили её — упорная, амбициозная, с острым аналитическим умом и острым языком, который она, впрочем, умела держать за зубами, когда нужно. Огромный потенциал, феноменальная плотность ядра — таких студентов Академия не видела десятилетиями. Старые маги, перевидавшие десятки выпусков, шептались между собой, предрекая ей блестящее будущее.

Но до кражи этот потенциал так и оставался потенциалом. Она училась хорошо — очень хорошо, стабильно входя в пятерку лучших на курсе. Но не блестяще. Не так, как ожида-

ли после первых восторженных отчётов. Инструкторы пожимали плечами: «Созреет, раскроется, не всё сразу. У таких вундеркиндов часто долгий разбег». И никто не бил тревогу, потому что даже в диапазоне «хорошо, но не гениально» Мия опережала большинство сокурсников.

А потом, четыре месяца назад, произошёл скачок. Её успеваемость взлетела так резко, что старые маги, выдавшие виды, зашептались уже не с восторгом, а с тревогой. Экзамены, которые она прежде сдавала на твёрдые четвёрки, теперь она сдавала с таким совершенством, что это пугало. Практические занятия, на которых она всегда была уверена, превратились в демонстрацию мастерства, намного превосходящего её формальный ранг.

И почти сразу после этого рывка она, минуя годы обязательной подготовки, успешно прошла аттестацию, получив звание Мага — достижение, на которое инструкторы отводили ей как минимум ещё два-три года стабильного развития. Контроль маны, скорость плетения заклинаний, точность — всё это скакнуло внезапно, словно внутри неё кто-то открыл кран, который до этого был прикручен лишь наполовину.

«Созрела? — думал Греймейн, глядя на облупившуюся краску дверного косяка и вслушиваясь в тишину за дверью. — Или получила доступ к чему-то, что ускорило созревание?»

Он не верил в совпадения. Слишком часто в его практике «совпадения» оказывались замаскированной ложью, а слу-

чайные события — тщательно спланированными операциями прикрытия.

Он поднялся на третий этаж по скрипучим деревянным ступеням, ступая бесшумно по привычке — инстинкт, вбитый в кровь годами охоты на тварей с острым слухом. Подошёл к двери, поднял руку и уже занёс костяшки пальцев для стука, как его ноздри непроизвольно раздулись, втягивая воздух, просачивающийся сквозь щели дверной коробки.

Первым — магия. Плотный, насыщенный запах озона и разогретого камня, с лёгкой ноткой чего-то острого, почти электрического. Так пахнут сильные резервы — очень сильные, не наработанные годами упорных тренировок, а данные от природы, просто ждущие своего часа. Греймейн не чувял такого запаха со времён охоты на архимага-отступника, который едва не сжёг его заживо. Тот аромат он запомнил навсегда — как предсмертное обещание. И вот он снова, за дешёвой деревянной дверью в облупившемся косяке.

Вторым — пробиваясь сквозь магические экраны, которыми кто-то явно пытался замаскировать остальные запахи — шёл запах тела. Молодой женщины. Чистый, без примеси духов, с лёгкой, едва уловимой ноткой чего-то сладкого, почти медового — мыло, должно быть, или шампунь, или просто собственная кожа, не испорченная дешёвыми ароматизаторами.

И только третьим — когда он уже сознательно, профессионально разложил информацию на составляющие — пришёл

запах возбуждения. Тонкий, острый, ударивший в ноздри, как пощёчина, и отозвавшийся короткой, резкой вспышкой в паху — против воли, против желания, против всего, чем он жил последние годы.

«Проклятье», — выругался он про себя, одними губами, и на секунду замер, подавляя поднимающуюся откуда-то из глубины тела животную реакцию, игнорируя доводы рассудка.

Он ненавидел магов. Всех, без исключения. Их высокомерие, их привычку смотреть на полукровок как на грязных дворняг, их уверенность в собственном превосходстве над теми, кому не повезло родиться с правильной родословной. Он презирал их за то, как они используют свою силу — для богатства, для влияния, для интриг, но никогда для того, чтобы просто помочь кому-то слабее. А теперь собственное тело предавало его, реагируя на запах той самой женщины, которую он должен был подозревать, допрашивать, выводить на чистую воду — не желать, не хотеть, не представлять, как она выглядит без одежды, с растрёпанными волосами и закатившимися от наслаждения глазами.

«Ты хуже пса», — сказал он себе, жёстко, беспощадно, как умел говорить с собой только он. — «Пёс хотя бы не винит себя за то, что учуял течную суку. Он просто чувствует и делает то, для чего создан. А ты — ты ненавидишь её за то, что она маг, ненавидишь себя за то, что реагируешь, и всё равно стоишь здесь, вдыхая её запах, как наркоман,

попятившийся завязать, но уже доставивший зажигалку».

Он встряхнул головой, пытаясь отогнать наваждение. Глухо вздохнул — не носом, ртом, чтобы перегрузить рецепторы, сбить их с толку. Выдохнул. Сжал кулак, разжал, сжал снова.

Он здесь по делу. Не за этим.

Постучал. Настойчиво, громко — так, чтобы глухой звук удара разорвал тишину и заставил даже самого себя очнуться от наваждения.

За дверью — тишина. Секунда, другая, третья. Он на секунду прикрыл глаза, прикусывая щёку изнутри до крови. Солёный, металлический вкус протрезвил лучше всякого кофе, возвращая из мира животных инстинктов в мир холодных фактов и железной логики.

Он стоял под дверью, дожидаясь, пока главная подозреваемая закончит утреннюю мастурбацию перед тем, как открыть ему. Главная подозреваемая. Не женщина. Не объект желания. Подозреваемая. Он не видел, но прекрасно чувял запах самки и её течки за дверью — запах женщины, ласкающей себя наедине.

«Работа, — напомнил он себе. — Просто работа. Ты делал это тысячу раз. Заходишь, задаёшь вопросы, смотришь в глаза, слушаешь пульс, делаешь выводы. Ничего личного».

Но его кулак, всё ещё сжатый для стука, дрогнул — мелкой, неприятной дрожью, которую он не мог контролировать, как ни старался. А в голове пульсировала одна-един-

ственная, совершенно неуместная мысль, которую он гнал и не мог прогнать, как ни пытался задавить её рациональными доводами: *«Интересно, какая она, когда теряет контроль? Когда сносит крышу, и она забывает, кто она, где она, зачем она здесь? Интересно, кричит ли она, или стонет молча, впиваясь зубами в подушку?»*

Он убил эту мысль в зародыше. Вдохнул глубоко ртом — осторожно, чтобы случайно не втянуть носом задержавшийся запах её возбуждения, который всё ещё витал в воздухе, несмотря на закрытую дверь и магические экраны. Выдохнул. И постучал снова — более спокойно, более размеренно, так, как стучат чиновники, знающие себе цену и не намеренные ждать дольше необходимого.

За дверью — шаги. Приближающиеся. Не торопливые, не испуганные — спокойные, уверенные, с лёгким, едва уловимым ритмом, который говорил ему, что человек по ту сторону двери полностью контролирует себя и свои эмоции. Или, по крайней мере, хочет, чтобы так казалось.

«Посмотрим», — подумал Греймейн, поправляя воротник охотничьей куртки и готовясь к первому взгляду в те самые зелёные глаза, которые он пока видел лишь на казённой фотографии в академическом досье. — *«Посмотрим, что она скажет»*.

Мия Ланкастер.

Золотистое утреннее солнце лениво пробивалось сквозь неплотно задёрнутые шторы, рассыпаясь по небольшой уют-

ной квартирке Мии мириадами танцующих пылинок, что кружились в воздухе, словно крошечные золотистые мотыльки. За прошедшие полгода здесь мало что изменилось — разве что появилось большое зеркало в полный рост в элегантной серебряной раме, стоявшее рядом с кроватью.

Мия купила его на третью неделю после той ночи, не став объяснять себе зачем. Она просто знала, что хочет видеть себя — всю, полностью, без стеснения, без того лёгкого, но назойливого стыда, который раньше заставлял её отводить взгляд от собственного отражения в ванной. Теперь она каждое утро смотрела в зеркало — и не находила ни единого недостатка, о котором стоило бы жалеть.

Мия медленно потянулась, стряхивая остатки сна, и её тело изогнулось на шёлковых простынях той текучей грацией, которую нельзя натренировать — она либо есть, либо её нет. На губах играла лёгкая, едва заметная полуулыбка, а в зелёных, ещё отяжелённых сном глазах не осталось и следа той испуганной, зажатой студентки, которая полгода назад дрожала перед начерченным мелом кругом, не зная, кого именно вызовет из бездны.

Та Мия умерла в ту ночь. Или, точнее, сгорела — в объятиях демона, на подоконнике распахнутого окна, под крики, которые до сих пор иногда всплывали в памяти и заставляли замирать посреди лекции с бешено колотящимся сердцем.

За эти полгода она расцвела так, что оборачивалась вслед каждым мужчиной в Академии — от первокурсников до се-

довласых профессоров, которые, впрочем, старательно делали вид, что не замечают её привлекательности. Её кожа стала жемчужно-белой и словно светилась изнутри — лёгким, едва заметным сиянием, которое не могли скрыть никакие иллюзорные чары. Её бёдра округлились, тонкая талия стала ещё изящнее, грудь — чуть полнее, и каждое утро, глядя в зеркало, Мия находила в своём отражении что-то новое, чего не замечала раньше.

Но главное — она полностью, безоговорочно приняла своё тело. Она больше не куталась в длинный бесформенный плащ, который носила раньше, чтобы не привлекать внимания, не сжималась под чужими взглядами, опуская глаза и делая вид, что ей всё равно. Ночь с Высшим Демоном выжгла из неё весь стыд, оставив взамен чистую, хищную уверенность в собственной неотразимости — и опасное, пьянящее чувство, что теперь ей позволено всё.

Она добилась всего, о чём мечтала, и даже больше. За полгода Мия взлетела на самую вершину рейтинга Академии, сдав экстерном экзамены за старшие курсы, вызвав у инструкторов неподдельное недоумение, граничащее с паникой.

Разумеется, всё это — благодаря книгам Крона, тем самым фолиантам, которые она заказала у демона в обмен на свое тело, не подозревая в тот момент, что её невинность и неопытность давно перестала быть для неё чем-то ценным. Мия быстро поняла, насколько тонко и цинично подшутил

над ней демон, и эта шутка заставила её уважать Крона ещё больше.

Первая половина фолиантов, как она и просила, действительно содержала личные дневники и схемы охраны архамагов — скучные, высокомерные писания стариков, мнящих себя богами и смакующих детали собственных интриг. А вот вторая половина представляла собой древние фундаментальные труды, написанные в те эпохи, когда нынешняя академическая элита ещё только училась держать палочки и плести простейшие заклинания.

Эти тексты были написаны настолько простым, чистым языком — без искусственного заумствования, без многослойных формул, без нагромождения терминов, призванных запутать ученика и возвысить профессора, — что Мия щёлкала их как орехи, проглатывая главу за главой с жадностью голодного зверя.

Пока профессора часами морочили студентам головы заумными конструкциями и требованиями заучить сложнейшие плетения без понимания их сути, она видела магию иначе — её первозданный каркас, тот фундамент, на котором держится всё остальное. Она научилась управлять потоками маны с лёгкостью, которая пугала даже её саму: заклинания, на которые у обычных магов уходили минуты сосредоточения, она плела за секунды, почти не задумываясь, как дышат или моргают.

Оригиналы книг она давно переписала в свои личные тет-

ради, раритетные фолианты надёжно спрятала в заброшенном доме на окраине столицы, а на занятиях демонстрировала лишь стандартную, слегка улучшенную программу — ровно настолько, чтобы считаться лучшей, но не настолько, чтобы вызвать официальное расследование. У неё хватало ума не злить старых магов раньше времени, хотя иногда, глядя на их самодовольные лица, стоило немалых усилий, чтобы не ухмыльнуться.

«Хорошо сыграл, демон», — иногда думала она, перелистывая страницы своих скопированных тетрадей, и лёгкая, почти нежная улыбка трогала её губы. — *«Ты дал мне не то, что я просила, а то, что мне было нужно. Но я не в обиде. В конце концов, я получила даже больше, чем рассчитывала».*

Секс с живыми мужчинами, в отличие от демонов — это была отдельная, грустная, почти комичная глава её новой жизни.

За эти полгода Мия честно пыталась найти замену тому запредельному, всепоглощающему, выжигающему дотла чувству, которое подарила ей Бездна. Но реальность оказалась жестока, даже оскорбительна.

Сначала был многообещающий старшекурсник, который крутился вокруг неё ещё до кражи, настойчиво предлагая «позаниматься вместе вечером». В постели он оказался суетливым, эгоистичным мальчишкой — пыхтел и кряхтел несколько минут, думая только о себе. Он явно заучил пару поз из дешёвых романов и воспроизводил их механически

— без искры, без настоящего желания, — и кончил прежде, чем Мия вообще что-то почувствовала, оставив после себя чувство лёгкого отвращения и пустоты.

Потом, поддавшись безрассудству и желанию проверить — «А вдруг просто не повезло?» — она разделила постель с молодым статным магистром, который так томно закатывал глаза на лекциях, рассуждая о теории магических потоков. Тот оказался высокомерным чурбаном, упивающимся собственным статусом и близостью к студентке, которая на голову превосходила его по успеваемости.

Хуже всего, что во время ленивых, пресных ласк после секса этот интриган курил сигару, пуская дым в потолок с видом хозяина вселенной, и невзначай — стараясь, чтобы это звучало небрежно — интересовался: «Дорогая моя, откуда у вас такая феноменальная плотность магического ядра? Какие методы вы используете? Не поделитесь ли со своим профессором?»

После этого Мия завязала окончательно. Смертные мужчины казались ей пресными, скучными и предсказуемо-тошнотворными — они использовали секс либо для своего эго, для самоутверждения и доказательства собственной важности, либо для шпионажа, пытаясь выведать её секреты и присвоить их себе. Никто из них не хотел её — ни её тела, ни её ума, ни её души. Они хотели её успеха, её силы, её внезапно взошедшей звезды, на которую пытались запрыгнуть.

Было проще и безопаснее справляться самой, чем раз за

разом разочаровываться в очередном кандидате, который оказывался копией предыдущего — с другим лицом, но тем же набором инстинктов и амбиций.

Иногда, конечно, когда ей отчаянно хотелось простого, ни к чему не обязывающего физического тепла — без попыток прощупать её магический резерв или получить доступ к тетрадам — она делила постель со своей соседкой: милой, беспечной полуэльфийкой, которая обожала целоваться и не задавала лишних вопросов. Но это была нежная, ласковая эстетика — щекотка вместо укусов, шампанское вместо креплёного вина — приятная, но неспособная утолить тот глубокий, тёмный, почти животный голод, что поселился где-то у основания позвоночника после ночи с Кроном.

Именно поэтому три недели она потратила на создание артефакта, которым гордилась по-настоящему — не меньше, чем своими академическими успехами, а может, и больше, потому что этот артефакт был сделан для неё, и использовать его не мог никто другой.

Это был её личный шедевр артефакторики: тяжёлый, прохладный стержень из цельного тёмно-зелёного нефрита, зачарованный на её собственную ауру так, чтобы камень отзывался на её ману, как струна на смычок. Не какая-то дешёвая безделушка из лавки, что продают студентам за пару монет — настоящий инструмент, созданный с той же холодной, безжалостной точностью, с какой она подходила ко всему в своей жизни после той ночи. Камень помнил её. Отзывался

только на неё. И в этом была странная, извращённая интимность — он принадлежал ей полностью, безраздельно, ничего не требуя взамен, не пытаясь ничего выведать, не разочаровывая и не предавая.

Лёжа на шёлковых простынях, приятно холодивших разгорячённую кожу, Мия вытянула руки над головой и сладко прогнулась в пояснице, подставляя обнажённую грудь тёплому солнечному лучу, что пробился сквозь занавески и упал золотой полосой на её живот. Её розовые соски мгновенно отреагировали на прикосновение прохладного утреннего воздуха, затвердев аккуратными горошинами, чувствительными к малейшему движению воздуха.

Пальцы правой руки сами собой скользнули вниз — по плоскому, бархатистому животу, где под кожей лёгкой, едва заметной волной перекачивались мышцы, направляясь напрямиком к идеально гладкому, лишённому растительности лобку. Заклинание депиляции, найденное в книгах Крона, работало безупречно и экономило уйму времени.

Её пальцы начали лениво, ритмично поглаживать набухшие половые губы — то надавливая точно на пульсирующий клитор, который просыпался от любого прикосновения, как живой; то погружаясь во влажную, уже свободно сочащуюся глубину, где было горячо и тесно даже для одного пальца.

Через несколько минут лёгких, дразнящих ласк — без спешки, без цели, просто потому, что это приятно — её тело

содрогнулось в первой, поверхностной разрядке: короткой, как вздох, мелкой, как волна, что набегает на берег и тут же отступает, оставляя после себя лишь слабый влажный след. Было приятно, но внутренний, тёмный голод, просыпавшийся в ней каждое утро последние полгода, требовал большего. Требовал наполнения.

Мия повернула серебряное кольцо на левом пальце — лёгкое, почти невесомое движение, отточенное до автоматизма, — и с мягким магическим хлопком, от которого воздух на миг сжался и снова расслабился, нефритовый стержень скользнул в её ладонь.

Он идеально имитировал внушительный, крупный мужской член — семнадцать сантиметров в длину, с выраженными бугорками вен по бокам, с гладкой, глянцевой головкой чуть шире основания, и с аккуратной, приятной тяжестью, что легла в руку как влитая.

Но главная, тайная изюминка её творения — то, что отличало его от любого магазинного ширпотреба — был маленький, аккуратный и невероятно упругий нефритовый выступ у самого основания, изогнутый особым образом: не вверх, не вниз, а чуть в сторону, под углом, который она три дня высчитывала на магическом облике себя. Расстояние между главным стержнем и этим выступом было выверено до долей миллиметра. При максимальном, глубоком введении основного стержня во влагалище этот изогнутый шип мягко, но настойчиво дразнил и проникал в её анус, даря ту сложную,

острую синергию наслаждения, которую не мог дать ни один живой мужчина — потому что живые мужчины не умеют синхронизировать движения с точностью магического механизма.

Мия поднесла стержень к губам, лениво, почти сонно облизывая глянцевую нефритовую головку, обильно смачивая её слюной. Затем, прикрыв глаза, прошептала заклинание активации — три коротких слова на древнем языке, которые она нашла в третьем фолианте, — задавая артефакту программу: «Ленивый, нежный секс. Без спешки. Без агрессии. Просто тепло и наполнение».

Камень мгновенно отозвался на её ману, как верный пёс на свист хозяина. Нефрит в её руках начал стремительно нагреваться, достигая температуры горячего человеческого тела — не обжигающей, а ровно такой, чтобы к нему хотелось прижаться всем телом и не отпускать. А внутри стержня ожила едва заметная, гипнотическая пульсация — медленная, ритмичная, как сердцебиение, но чуть более глубокая, чуть более настойчивая, словно внутри камня билось тёплое, живое сердце.

Перевернувшись на спину и широко разведя стройные ноги, Мия приставила влажную головку стержня к своим сочащимся, раскрытым половым губам, что уже ждали наполнения, сжимаясь и разжимаясь в такт дыханию. Медленно, смакуя каждый миллиметр, чувствуя, как горячий камень касается самого чувствительного места, она начала опускаться

на податливый, пульсирующий нефрит.

Стержень входил в её узкую, всё ещё тугую — несмотря на полгода регулярных упражнений — пещерку с влажным, вязким хлюпаньем, от которого по спине бежали мурашки, а по телу разливалась сладкая, томная волна предвкушения. Стержень двигался плавно, нежно, словно лаская, а не беря, постепенно растягивая стенки влагалища, привыкающие к его форме. Внутри становилось всё горячее, всё теснее, всё приятнее.

С каждым новым, медленным толчком Мия погружала артефакт всё глубже, чувствуя, как нефритовая головка касается самых дальних, самых чувствительных уголков, куда не доставали пальцы и не дотягивались живые мужчины. И когда стержень вошёл почти до основания, когда её влагалище сомкнулось вокруг горячего камня тугим, влажным кольцом, упругий нефритовый выступ мягко упёрся в её аккуратный, сжатый анус, который от неожиданности дрогнул и сжался ещё сильнее.

Мия охнула, закусив губу, чувствуя, как гладкий, тёплый шип дразняще надавливает на чувствительное колечко мышц, массируя его круговыми движениями, запрограммированными в стержне. И со следующим, ещё более глубоким движением — когда она уже почти кончала от одного лишь предвкушения — шип медленно, но настойчиво скользнул в её анус: сначала на сантиметр, потом на два, растягивая тугую, сопротивляющуюся плоть с той же деликатной настой-

чивостью, с какой главный стержень заполнял её влагалище. Эта двойная стимуляция — заполненная, пульсирующая глубина внутри и нежное, но неумолимое растяжение сзади — мгновенно отозвалась лавиной жгучего, почти болезненного удовольствия внизу живота, такого острого, что Мия на секунду перестала дышать. Стержень исследовал её изнутри с размеренной нежностью, двигаясь в том идеальном ритме, который она сама запрограммировала неделю назад, в пылу очередной бессонной ночи, в то время как выступ ритмично растягивал её анус, заставляя пальцы впиваться в простыни, а позвоночник — изгибаться дугой.

Мия плыла по волнам этого контролируемого, точно выверенного волшебства, уже отчётливо чувствуя, как внутри закипает сладкий, мощный оргазм — который накроет её целиком, стоит сделать ещё одно, последнее движение.

И в этот самый момент в тяжёлую дубовую дверь её квартиры раздался требовательный, громкий стук.

Мия замерла, не дыша, с наполовину выведенным из влагалища нефритовым стержнем. Стук повторился — настойчивый, уверенный, не терпящий возражений. Не соседка-полуэльфийка, что всегда стучала тихо, робко, будто извиняясь за беспокойство, и никогда не приходила так рано. И не посыльный из Академии — те всегда мялись на пороге, шаркали ногами и начинали с вежливого «Прошу прощения за беспокойство, Маг». Этот стук был другим. Профессиональным. Официальным. Таким стуком стучат люди, при-

выкшие, что им открывают.

Мия не стала вынимать стержень. Вместо этого она мысленно коснулась плетения, вшитого в нефрит, и переключила артефакт в режим мягкой, едва ощутимой пульсации — той самой, которую запрограммировала неделю назад для долгих, ленивых вечеров, когда хотелось чувствовать наполнение, не отвлекаясь на активные движения. Камень внутри отозвался немедленно: тёплая, ритмичная вибрация разлилась по низу живота, заставляя мышцы влагиалища непроизвольно сжиматься вокруг нефритового стержня. Хорошо. Так даже интереснее.

Она лениво, без спешки поднялась с кровати, чувствуя, как стержень смещается внутри под тяжестью её тела, погружаясь всё глубже в мокрые, податливые недра, и как упругий нефритовый выступ плотнее прижимается к анусу — дразня, но не входя, потому что программа не предусматривала глубокой стимуляции в этом режиме.

Она набросила на плечи лёгкий шёлковый халат — тонкий, почти прозрачный, персикового цвета, который носила только дома, потому что на людях он выглядел вызывающе даже по меркам Академии. Халат скользнул по обнажённой коже, едва прикрывая грудь и бёдра, и Мия даже не стала завязывать пояс — пусть болтается свободно, открывая длинную полосу обнажённого тела от шеи до лобка.

В зеркале у кровати мелькнуло её отражение — расчёпаные чёрные волосы, влажные глаза с расширенными

зрачками, лёгкий румянец на щеках, выдающий недавнее возбуждение, и полупрозрачный халат, сквозь который угадывалось всё, что обычно прячут от посторонних. На губах играла та самая лёгкая, полухищная улыбка, с которой она теперь встречала любую неожиданность. Её магический резерв, раздувшийся внутри, отозвался едва заметным покалыванием в кончиках пальцев — она была полна сил, готова к любой встрече. Кто бы ни стоял за дверью, он не застанет её врасплох. А вот застать врасплох его — она, пожалуй, сможет.

— Интересно, — подумала Мия, поправляя выбившуюся прядь волос и делая глубокий, успокаивающий вдох, от которого её грудь под тонким шёлком поднялась особенно выразительно. — Посмотрим, кто пришёл. И как он отреагирует.

Она повернулась и направилась в прихожую, ступая босыми ногами по прохладному деревянному полу бесшумно, словно кошка, что крадётся к зазевавшемуся гостю. Но не чтобы испугать или напасть — чтобы сбить с толку, выбить из колеи, заставить забыть, зачем он пришёл.

С каждым шагом пульсация нефрита внутри становилась чуть заметнее — или это только казалось от возбуждения? — и Мия поймала себя на мысли, что ей вдруг стало ужасно любопытно, кто же там, за дверью, и как долго он сможет удерживать официальное выражение лица, глядя на неё в таком виде.

Она на секунду замерла перед дверью, прислушиваясь

к себе. Оргазм отступил, превратившись в тупое, ноющее предвкушение где-то в глубине низа живота, смешанное с острым, почти кокетливым любопытством. Стержень внутри мерно пульсировал, напоминая о себе тёплой, уютной вибрацией, и Мия вдруг поняла, что улыбается во весь рот.

Мия открыла дверь, не отступая в тень, не прикрываясь халатом и не выказывая ни тени смущения или страха. Она просто стояла на пороге — босая, с растрёпанными чёрными волосами, в полупрозрачном персиковом шёлковом халате, который чётко обрисовывал контуры её груди и бёдер, — и смотрела на незваного гостя в упор, спокойно и нечитаемо.

Роран Греймейн замер на месте. Мия уловила быстрое, почти незаметное движение его взгляда, скользнувшего по ней — от уголка губ к горлу, от шеи к распахнутому вороту халата, вниз, к босым ступням, и снова вверх, к лицу. Взгляд профессиональный, контролируемый — но слишком быстрый для того, кто действительно равнодушен.

Он полностью соответствовал описанию из досье что она читала: пепельно-серые волосы, жёсткие как проволока, зачёсаны назад; лицо, будто вытесанное из песчаника грубой, но умелой рукой; серые глаза, смотрящие в упор, не выражающие никаких эмоций. Он был одет в тёмный охотничий костюм из плотной кожи — никаких украшений, никакой магии, которую можно было бы засечь.

Только ноздри его едва заметно дрогнули. Мия, к собственному удивлению, поняла: он не просто смотрел на нее

— он ее обнюхивал, как зверь, как охотник, оценивающий добычу не только глазами, но чем-то куда более древним и первобытным.

— Чему обязана, следовательно? — спросила она, скрестив руки на груди. Шелк натянулся на груди, открывая еще больше кожи, и она заметила, как дернулся его кадык — всего раз, почти незаметно, но она уловила. — Меня уже допрашивали полгода назад. И обыскивали. И проверяли на магию. Ничего не нашли, как видите. Что изменилось с тех пор?

Греймейн молчал мгновение — секунду, другую. Его взгляд метался по ее лицу, фигуре и комнате позади нее, профессионально сканируя пространство. Но Мия чувствовала: ему трудно удерживать концентрацию. Пульсация нефритового жезла внутри нее стала чуть более отчетливой — или это просто ее возбуждение усилилось? — и ей стало любопытно, как далеко простирается его самообладание.

— Могу я войти? — наконец спросил он. Голос был сухим и официальным, но в нем слышалась едва уловимая хрипотца, которой мгновение назад не было.

— Зачем? — Мия не сдвинулась с места, загоразивая дверной проем не телом, а самой своей позой — расслабленной, полубоуженной, провокационной. — Если хотите обыскать квартиру, предъявите ордер. Если хотите задать вопросы, задавайте их здесь, на пороге. Мне нечего скрывать, видите ли.

Она почти слышала, как скрипят шестеренки в его голове.

Он явно ожидал чего-то другого — страха, растерянности, судорожного желания поскорее избавиться от незваного гостя. Но не этого: полуобнаженная женщина с расширенными зрачками, румянцем на щеках и хищной полуулыбкой, стоящая на собственном пороге и открыто наслаждающаяся его замешательством.

«Если бы ты только знал, Охотник, — подумала Мия, чувствуя, как нефрит мягко пульсирует внутри нее в такт сердцебиению. — Если бы ты только знал, что величайшие сокровища лежат прямо над твоей головой, пока ты стоишь на крыльце, втягиваешь воздух, как гончая и раздеваешь меня взглядом».

Она вспомнила ту ночь, когда впервые открыла книгу, принесенную Кроном. Не нарциссический дневник архимага и не скучные реестры защитных чар, а древний, выцветший фолиант. На его титульном листе каллиграфической вязью была выведена единственная фраза, от которой по спине побежали мурашки: «Самое темное место — прямо под свечой». Поначалу она не поняла, что это больше чем метафора — это инструкция. Принцип, которым руководствовались древние маги: прячь ценное там, где его будут искать в последнюю очередь, прямо под носом у тех, кто ищет, в самом сердце их уверенности, что они всё контролируют.

И Мия подчинилась. Две самые важные книги — те, что переписали ее понимание магии и открыли ей глаза на первозданную природу силы, — хранились прямо здесь, в этом

доме. На чердаке, куда во время рейда не удосужился заглянуть ни один инквизитор. А зачем? Чердак — это просто пыль, паутина, старый хлам. Однако на маленькой книжной полке, прибитой к стропилам, они и стояли, окутанные иллюзией, которую не пробить ни одному магу ниже ранга архимага, и запертые на кровавый замок, открывающийся лишь для нее. В самом темном месте — прямо под свечой. Одна теперь называлась "Жития святых". А вторая старым эротическим романом о похождениях одной очень озабоченной принцессы.

Остальные фолианты — те, что она про себя окрестила «трусами магов-халтурщиков», обнаружив внутри лишь занудные логи стариков, игравших в богов, — она спрятала в заброшенном особняке на другом конце города. Месте, которое стороной обходили даже бездомные: столетний дворянский дом без наследников, заколоченный, с провалившейся крышей, пропахший застоявшейся гнилью. Идеальная приманка. Найди кто эти книги — решил бы, что добыл всё, и успокоился.

«Ах, Крон, — подумала Мия, встречая серые глаза Греймейна, задержавшегося на пороге. — Умно и цинично. Ты не просто дал мне знания. Ты научил меня, как их прятать. И как не жадничать, чтобы не попасться. Надеюсь я увижусь с тобой вновь».

Она усмехнулась про себя. Греймейн, разумеется, заметил; его взгляд стал еще более настороженным.

— Вас что-то забавляет, маг? — спросил он.

— Просто вспомнила забавную шутку, — ответила Мия, не вдаваясь в подробности. — Не обращайтесь внимания. Так что за вопросы, следователь? Я слушаю.

Она сделала один шаг назад, слегка освободив дверной проем, но не приглашая войти — просто чтобы показать, что не боится. Персиковый шелк колыхнулся, обнажая длинную линию бедра, и Мия заметила, как глаза Греймейна метнулись вниз — и тут же с почти военной дисциплиной вернулись к ее лицу.

«Хорошее самообладание, — подумала она. — Но не железное. И вот тут начинается самое интересное».

Греймейн переступил порог, и Мия почувствовала, как он снова втянул воздух — коротко, резко, почти незаметно. Она точно знала, что он улавливает: запах ее возбуждения, который не скрыть никакими магическими экранами и дешевыми трюками. Мускус женщины, прерванной на полпути к кульминации и не собиравшейся этого стыдиться.

— Вы, кажется, напряжены, следователь, — произнесла она, закрывая дверь и прислоняясь к ней спиной. Движение заставило шелк туго натянуться на груди, а нефритовый жезл внутри нее сместился, вынудив на краткую секунду прикусить губу. — Что-то не так?

— Всё в порядке, — ответил он, и его голос прозвучал на полтона ниже, чем прежде. — Просто... в вашей квартире необычный запах.

— О? — Мия шагнула к нему — медленным, почти танцующим шагом, от которого ее халат распахнулся еще шире. — Я как раз собиралась принять ванну. Может быть, поэтому?

Она остановилась всего в полуметре от него, глядя снизу вверх из-под ресниц, ощущая жар, исходящий от его тела, и тот самый запах — звериный, темный, опасный, — который уловила еще на пороге. Полукровка. Кровь воргена.

«Вот оно что, — осознала она. — Ты обнюхиваешь меня не просто в поисках улики. Ты физически не можешь иначе. Зверь внутри тебя просыпается, а ты с ним борешься. Как изысканно».

— Я бы хотел пригласить вас на ужин, — произнес он наконец, и Мия не смогла подавить удивленный, веселый смешок. — Сегодня вечером. В ресторане. На нейтральной территории.

— Вы приглашаете меня на свидание, следовательно? — спросила она, — Я польщена. Но, боюсь, я не из тех девушек, которых можно купить ужином.

— Я приглашаю вас на разговор, — поправил он, и уголок его рта дернулся — почти усмешка, но еще не она. — В неформальной обстановке. Где мы оба могли бы чувствовать себя... свободнее.

Она подошла к гардеробу, бросив косой взгляд на свое отражение в зеркале в серебряной раме и ловя взгляд инквизитора устремленные на ее попку.

— Знаете, следовательно, — пробормотала она, склонив голову набок и глядя ему прямо в глаза, — я не против разговора. И так уж и быть принимаю ваше... приглашение. Тогда остался лишь один вопрос, точнее уточнее...

Она увидела, как сжалась его челюсть, как пальцы сжались в кулаки и медленно разжались. Она увидела, как расширились его зрачки — на долю миллиметра, но она это уловила.

«Свободнее, — мысленно повторила Мия, ощущая, как нефрит внутри нее пульсирует в идеальном ритме с кровью. — Свободнее. Интересно, насколько свободно ты себя чувствуешь, когда я сяду напротив в вечернем платье и буду играть тувфелькой под столом?»

— За ваш счет? — спросила она, и ее бровь игриво изогнулась, подчеркивая вызов. Голос был легким, почти дразнящим, но взгляд оставался острым, изучающим — она все еще оценивала его, искала трещину в этой жесткой профессиональной броне.

— Разумеется, — без колебаний ответил Роран. Тон был ровным, но в нем проскользнуло что-то новое, едва уловимое, чего она раньше не замечала. Не просто раздражение — что-то глубже, искра, похожая на сдерживаемую похоть и ярость.

— Хорошо, — сказала Мия, разворачиваясь на пятке с той плавной грацией, от которой персиковый шелк халата всколыхнулся вокруг ее ног. — В семь вечера. Адрес оставь-

те на столике в прихожей, — произнесла она ровно. Затем, задержавшись на долю секунды у самого порога ванной, бросила через плечо ленивый, полухищный взгляд. — И будьте добры, закройте входную дверь, когда будете уходить. Я терпеть не могу ждать, но сквозняки я терплю еще меньше.

Не дожидаясь ответа, она шагнула внутрь, и дверь ванной закрылась с мягким щелчком.

Только там, в уединении наполненной паром комнаты, Мия скользнула рукой под шелковый халат. Сжав горячий, вибрирующий нефритовый стержень, она извлекла его из своих влажных глубин с мягким, влажным звуком, и низ живота свело прощальной волной жара. Она лениво облизала глянцевую нефритовую головку, покрывая ее собственными соками, а затем прошептала короткое очищающее заклинание. С тихим магическим хлопком артефакт исчез в ее пространственном кармане.

Тем временем спальня, которую она оставила полностью открытой, была для охотника опьяняющей западней. Она выглядела как обычная девичья комната, но для его обоняния оказалась совершенно ошеломляющей: шелковые простыни, все еще хранящие свежий, густой запах ее пика; тонкое кружевное белье, небрежно брошенное на стул; и всё это в хаотичном смешении с тяжелыми учебниками Академии, справочными пособиями и исписанными конспектами лекций.

В гостиной Роран Греймейн застыл, глядя в открытый

дверной проем. Его ноздри раздувались, вбирая концентрированную волну ее уязвимости и ее силы — мускус кожи, запах книжных чернил, откровенную, настоявшуюся уверенность самого этого зрелища. Ему дали разрешение смотреть, его оставили одного в ее святилище, с ним обошлись не как с опасным следователем, а как с гостем, от которого ждут, что он вежливо запрет за собой дверь. Он боролся с грубым, звериным желанием пересечь порог и перевернуть квартиру вверх дном — или пойти на звук льющейся воды, что доносился из ванной.

С военной дисциплиной он заставил свои руки оставаться твердыми. Он вытащил из пальто потрепанный блокнот, записал название неброского, дорогого ресторана, известного своей приватностью и отличным вином, и положил клочок бумаги на столик в прихожей. Пальцы его слегка дрожали — мелкая дрожь, которую он не мог списать лишь на недосып, хоть и отказывался признавать истинную причину.

— Просто работа, — сказал он вслух пустому коридору, и голос его прозвучал глухо. — Это просто работа.

Но в этом слове не было ни крупицы убежденности.

Он развернулся, вышел на скрипучую лестницу и плотно захлопнул за собой тяжелую входную дверь, пока защелка не встала на место с твердым щелчком.

Несколько минут спустя вода стихла. Мия вышла из ванной — кожа светилась и была влажной, влажные черные волосы обернуты полотенцем. Она бросила взгляд на пустой

коридор, затем на столик в прихожей, где теперь лежал белый клочок бумаги. Торжествующая усмешка тронула ее губы.

Растрепанные волосы, раскрасневшиеся щеки, губы слегка приоткрыты, зеленые глаза сияют азартом погони.

«Кто ты теперь, Мия Ланкастер? Дичь? Охотник? Или что-то совершенно иное?»

Ее пальцы скользили по шелкам и бархатам внутри гардероба, задержавшись на глубоком изумрудно-зеленом платье, которое она купила когда-то по внезапной прихоти. «Вот это, — решила она. — То, что облегает каждый изгиб и заставляет взгляд следовать за каждым движением». Она сняла платье с вешалки, готовая превратить себя в самую опасную ловушку, какую когда-либо встречал Роран Греймейн.

— Ужин, — прошептала она своему отражению, и ее зеленые глаза вспыхнули хищным огнем. — Посмотрим, какой ты зверь на самом деле.

Глава 3. Предложение

Роран Грейман.

Роран Грейман вышел из дома чародейки, и не глядя пошёл вперёд, но в голове его всё ещё пульсировал тот образ — полупрозрачный персиковый халат, запахнутый на голой груди, бедра, покачивающиеся при ходьбе, и запах. Этот чёртов запах, от которого у него до сих пор пересохло во рту, а в паху неприятно, остро, настойчиво ныло.

Остановившись посреди пустой улицы, он вдруг понял, что его трясёт. Не мелкой дрожью — крупно, ощутимо, от самой диафрагмы до кончиков пальцев. Так трясёт загнанного зверя, когда он уже не может бежать, но ещё не готов развернуться и вцепиться в глотку преследователю. Желваки ходили на скулах, как поршни, челюсть свело до зубного скрежета, а кулаки сжимались и разжимались сами собой — до побелевших костяшек и обратно, снова и снова, в каком-то лихорадочном, неконтролируемом ритме.

«Сучка, — подумал он, и мысль эта была не холодной, не аналитической — она была раскалённой, как клеймо, которое прижигают к коже. — Сучка. Которая знает, что делает. И знала с самого начала. Открыла дверь в этом своём халатике, смотрела своими зелёными глазницами, улыбалась, дышала так, чтобы я видел, как поднимается её грудь, и знала. Знала, что я не смогу. Знала, что я буду стоять

перед ней, как мальчишка, у которого первый стояк в жизни, и не смогу даже вопроса нормально задать, не то что обыск провести».

Он глубоко, судорожно вдохнул, пытаясь успокоить сердце, которое колотилось где-то в горле, но воздух только подбросил дров в этот пожар — потому что он всё ещё пах ею. Её духами, её кожей, её возбуждением, которое она даже не пыталась скрыть. Она хотела, чтобы он это чувствовал. Хотела, чтобы он мучился. Хотела, чтобы он вышел от неё вот таким — взбешённым, униженным, с трясущимися руками и каменным стояком, который не проходит уже полчаса.

«Играешь, сучка, — процедил он сквозь зубы, чувствуя, как от ярости сводит мышцы шеи. — В кошки-мышки играешь. Только забыла, что мышки иногда кусаются».

Он ненавидел магов. Всех, без исключения. Их высокомерие, их привычку смотреть на полукровок как на грязных дворняг, их уверенность в собственном превосходстве над теми, кому не повезло родиться с правильной родословной. А магинь — особенно. Они были хуже мужчин: те хотя бы не скрывали своей надменности, а эти улыбаются, кокетничают, строят из себя невинных овечек — и в тот же миг, когда отворачиваешься, вонзают нож в спину, прикрываясь магией и высоким родом.

Но эта — эта была хуже всех, кого он встречал за десять лет службы. Потому что она не просто играла. Она наслаждалась. Она поймала его, как ловят рыбу на живца, — на-

садила на крючок его собственное желание, его собственную слабость, его звериную суть, которую он всю жизнь пытался задавить дисциплиной, и теперь подсекала — медленно, смакуя каждую секунду его мучений.

«Думаешь, я такой же, как те маги, что лизжут тебе пятки в Академии? Думаешь, я поведу на твой халатик и сиськи? Думаешь, я буду стоять и смотреть, как ты вытираешь об меня ноги?»

Он представил, как заходит в её спальню не как инквизитор, а как... по-другому. Как врывается, пока она ещё не успела надеть этот свой дурацкий халат, застаёт врасплох, хватая за волосы — жёстко, чтобы она вскрикнула от боли и унижения, — и прижимает лицом к холодному полу. Она пытается вырваться, мечется, царапает паркет ногтями, но он наваливается сверху всей своей тяжестью, придавливает, не даёт дышать. Она плачет — сначала тихо, от унижения, потом громче, от страха, когда понимает, что никто не придёт, никто не услышит, никто не спасёт. А он шепчет ей на ухо, смакуя каждое слово, чувствуя, как она дрожит под ним: *«А теперь, магесса, вы ответите на мои вопросы. Все. До единого. И если хоть раз соврёт, я сделаю вам больно. Очень больно. Не так, как вы любите, а так, как вы боитесь».*

Она не отвечает. Она уже не может говорить — только всхлипывает и дрожит под ним, мелко, противно, как загнанный зверёк, как те, на кого он охотился всю жизнь. И он берёт её. Прямо так, в грязи, на полу, не глядя в её заплаканное,

перекошенное страхом лицо, потому что магинь не жалко. Они все одинаковые — высокомерные твари, которые заслуживают только одного: чтобы их поставили на место. Чтобы они поняли, что без своей магии они — ничто. Мясо, которое можно использовать, унижить и выбросить. Она плачет, просит остановиться, но он не останавливается, потому что видит в её глазах то, что бесит его больше всего — страх не перед ним, а перед тем, что он может узнать. Она боится не боли, не насилия, она боится, что он найдёт правду. И это делает его ещё злее. Ещё жёстче.

Грейман тряхнул головой, отгоняя наваждение, и едва не зарычал от унижения — вслух, по-звериному, как загнанный волк. Штаны стали тесными до рези, до физической боли в паху, и это бесило его так, что хотелось разнести кулаком стену, разбить лицо первому встречному, сделать хоть что-нибудь, лишь бы заглушить этот стыд, это бешенство, эту грязную, липкую смесь ярости и желания, от которой его буквально выворачивало наизнанку. Он ненавидел её — каждой клеткой, каждым нервом, каждым ударом сердца, которое всё ещё колотилось в ритме её дыхания. Но сильнее, чем её, он ненавидел себя. За то, что повёлся. За то, что позволил. За то, что стоял перед ней, как побитый пёс, и ждал, когда хозяйка соизволит бросить кость.

«Работа, — напомнил он себе в десятый раз за последние полчаса, чувствуя, как кулаки сжимаются сами собой до хруста в суставах. — *Работа, а не... это. Она подозреваемая.*

Всего лишь подозреваемая. Я должен найти улики, а не...»

Он не договорил. Закончить мысль было нечем.

Внутренний голос, тот самый, звериный, который просыпался в нём всегда не вовремя, ехидно шепнул: «Подозреваемая, которая пахнет так, что у тебя стояк уже полчаса. Подозреваемая, которая открыла дверь в халате на голое тело и даже не покраснела. Подозреваемая, которая знает, что ты её хочешь, и наслаждается этим, как кошка — мышкой. И ты ненавидишь её за это. И хочешь ещё сильнее. Не потому, что она красивая. А потому, что она — маг. А магов надо унижать. Ставить на место. Ломать».

Грейман снова выругался сквозь зубы, свернул в переулок, прошёл несколько кварталов кружным путём и вернулся к дому Мии. Остановился подальше, за углом, откуда был хорошо виден вход. Спустя минут пятнадцать дверь открылась, и она вышла — уже одетая, в строгое тёмное платье с высоким воротом и длинные кожаные сапоги на каблуке. Волосы убраны в аккуратный пучок, лицо — сосредоточенное, почти суровое. Никакого намёка на ту хищную улыбку, которой она провожала его час назад.

Она шла по улице спокойно, не оглядываясь, и в этой спокойной уверенности было что-то глубоко неправильное. Жертва не ходит так. Жертва озирается, ускоряет шаг, прячет лицо. А эта вышагивала, как хозяйка города, и Грейман вдруг с отчетливой, тошнотворной ясностью понял: она знала. Знала, что он будет наблюдать. Знала, что он вернется. И,

возможно, именно этого она и добивалась — чтобы он пришел сюда без нее и сделал то, что она ему позволила сделать.

Он дождался, пока она скроется за углом, выждал ещё минуту на случай, если она забыла что-то и вернётся, и только потом спокойным, деловым шагом зашёл в подъезд.

Поднявшись на третий этаж, Грейман остановился перед её дверью. Обычная деревянная дверь, обитая дешёвым железом, с простым щипковым замком — такие ставят во всех доходных домах для бедных студентов и мелких служащих. Ничего особенного. Он достал отмычки — тонкие, стальные, согнутые под нужными углами, — и уже вставляя первую в замочную скважину, поймал себя на том, что предвкушает. Предвкушает, как войдёт внутрь, как найдёт то, что она прячет, как поставит её на колени перед трибуналом, как сотрёт с её лица эту хищную, понимающую ухмылку, — и в этот миг замок взорвался магией.

Удар был мгновенным и жестоким.

Магия вырвалась из замка, как змея из норы, ударив по его пальцам, по руке, по всему телу разрядом такой силы, что Грейман отлетел к противоположной стене, больно ударившись спиной о штукатурку. В глазах на мгновение вспыхнуло белое, в ушах зазвенело, а правая рука онемела от кончиков пальцев до самого плеча, будто её окунули в кипящее масло, а потом резко выдернули и бросили в лёд. Отмычки выпали из онемевшей руки и с тихим звоном покатались по полу. В зубах засвербило, во рту появился привкус крови —

он прикусил щёку, когда летел к стене.

«Твою ж... — выругался он беззвучно, медленно поднимаясь и потирая ушибленное плечо. — Сильная. Очень сильная. И умная. На дешёвую дверь — дорогую защиту. Кто ж тебя такому научил?»

Он подобрал отмычки, сунул их обратно в карман и прислонился спиной к стене, закрывая глаза. Просто так не войдешь. Обычные методы здесь не работали. Нужно было что-то другое. И как вариант то, чему его научил старый охотник много лет назад, когда он только начинал свой путь и ещё не умел отличать след вампира от следа оборотня. То, что он ненавидел больше всего на свете.

Подмена ментальной ауры.

Чтобы войти в её комнату, он должен был стать ею. Не подражать, не копировать — стать. Мыслями, ощущениями, магией, самой сутью своего «я» превратиться в неё. В магию. В бабу. В ту самую сучку, которая открыла ему дверь в халате на голое тело и смотрела на него с хищной улыбкой.

Для человека, который ненавидел магов больше жизни, не было большего унижения.

«Ты должен, — сказал он себе, чувствуя, как желваки ходят на скулах от ярости. — Ты должен это сделать, чтобы поймать её. Чтобы доказать, что она — воровка. Чтобы поставить её на колени. Ради этого можно потерпеть. Ради этого можно даже стать... ею».

Он закрыл глаза и представил её снова — но теперь не

как врага, а как... себя. Это было мучительно. Это было как раздеться догола на морозе, как заставить себя выпить яд, зная, что он убьёт тебя не сразу, а будет жечь изнутри часами. Его собственная аура — тяжёлая, звериная, мужская — сопротивлялась, билась в панике, отказывалась подчиняться. Грейман чувствовал, как его сущность кричит, упирается, скребёт когтями по рёбрам изнутри, умоляя прекратить это извращение. Но он не мог прекратить. Он должен был стать ею. Магом. Бабой. Сукой.

И он стал.

Он глубоко вдохнул, расслабил мышцы лица, шеи, плеч. Представил, как его собственная аура — серая, тяжёлая, с примесью звериного, мужского, грубого — начинает сворачиваться в тугой клубок где-то в солнечном сплетении. А потом — медленно, осторожно, миллиметр за миллиметром — разворачивается заново, но уже другая.

Он вспомнил её. Как она стояла в дверях, босиком, в полупрозрачном халате, с растрёпанными волосами и расширенными зрачками. Как пахла — озоном, нагретым камнем и чем-то ещё, глубоким, влажным, что заставило его сжать кулаки, чтобы не сорваться. Как двигалась — плавно, текуче, как кошка, которая не боится, что на неё охотятся, потому что уверена: охотник станет её добычей.

Он вспомнил её ауру — плотную, насыщенную, с высокой концентрацией маны, которую он не чувствовал ни у кого за всю свою карьеру. И поверх этого — слабый, но от-

чётливый отпечаток демонических сил. Она была демонологом, это было понятно даже по остаточным следам. Но сейчас Греймана интересовало не это. Его интересовало другое.

Грейман сконцентрировался на отпечатке чужой ауры, который он уловил, когда стоял в прихожей. Он позволил своей ауре стать ею — не подражать, не копировать, а именно стать. Ментально, энергетически, на самом глубоком уровне, где стираются границы между «я» и «не-я». Он почувствовал, как его сознание начинает меняться — появляется незнакомая лёгкость, женская пластика мыслей, чужая память, чужие желания, чужая магия, которая жгла его изнутри, заставляя мышцы сводить судорогой, а в глазах темнеть от напряжения.

Аура магички легла на него, как мокрая простыня на лицо — не давая дышать, заставляя захлёбываться чужими ощущениями. Её запахи, её ритм сердца, её магия — тонкая, острая, как бритва, совершенно непохожая на его грубую, звериную силу. Она была... вкусной, чёрт возьми. Вкусной, как запретный плод, который тем слаще, чем страшнее за него наказание. И от этого его ненависть к ней становилась только яростнее. Потому что ненавидеть того, кем ты стал — это как ненавидеть самого себя. А себя он ненавидел уже давно.

Стало трудно дышать. Он чувствовал себя так, будто его засунули в чужую шкуру — тесную, неудобную, пахнущую духами и магией. Ему было больно, страшно и тошно одновременно. Он стал ею.

«Терпи, — приказал он себе, чувствуя, как пот заливает глаза, а ноги подкашиваются от слабости. — Терпи, потому что иначе ты не войдёшь. А если не войдёшь, она уйдёт. И ты никогда не докажешь, что она — воровка. Что она — тварь, которую нужно уничтожить».

Он подошёл к двери снова, на этот раз — её походкой, лёгкой и плавной, от которой его мужское тело, привыкшее к тяжёлым шагам охотника, чувствовало себя неловко и глупо. Протянул руку — её руку, тонкую, с длинными пальцами, без мозолей и шрамов, — и коснулся замка.

Замок щёлкнул. Дверь открылась.

Грейман выдохнул — шумно, с присвистом, — вытер пот со лба тыльной стороной ладони и шагнул внутрь. Магический контур на двери беззвучно потух, признав в нём её. Хозяйку.

«Что ж ты за тварь такая, Мия Ланкастер, — подумал он, оглядывая пустую прихожую, — если даже твоя собственная магия не может отличить тебя от того, кто тебя ненавидит?»

А он, Роран Грейман, инквизитор, полукровка, ненавидящий магов, сейчас был ею. Мыслями, ощущениями, самой сутью своего «я» он стал Мией Ланкастер.

И ему придётся оставаться ею, пока он будет осматривать её комнату. Потому что магия на двери — скорее всего не единственная ловушка в этом доме. Стоит его ауре вернуться в нормальное состояние, как все защитные контуры акти-

вируются снова — и тогда он или погибнет, или будет обнаружен.

«Это называется «быть в чужой шкуре», — подумал он мрачно, оглядывая прихожую её глазами, чувствуя, как непривычно легко двигаться в этом теле, как по-другому пахнет воздух, как иначе звучат шаги. — Теперь я — ты, магесса. Ненадолго. И, надеюсь, это не сведёт меня с ума».

В прихожей было тихо. Солнечный свет пробивался сквозь неплотно задёрнутые шторы, отражаясь от стен и пола золотистыми бликами. Квартира выглядела аккуратной, даже стерильной — ни пылинки, ни пятнышка, ни намёка на недавний бардак. Только на столике в углу валялся его блокнот с адресом ресторана — она не выбросила, не убрала, оставила на том же месте, куда он положил его час назад.

«Расслабленная, — подумал Грейман, проходя мимо. — Уверенная в себе. Или просто знает, что прятать нечего. Или знает, что я всё равно не найду».

Он толкнул дверь в спальню и вошёл.

И здесь, внутри, его ноздри раздулись.

Запах был слабым, едва уловимым, почти полностью выветрившимся за полгода. Если бы он не был полукровкой с обострённым чутьём, если бы не знал, что искать — он никогда бы его не уловил. Но он уловил. И то, что он почувствовал, заставило его замереть на пороге, забыв о дыхании.

Демон. Здесь был демон. Но не просто демон — Высший. Грейман сталкивался с обычными демонами, такими,

которых вызывают неудачники-некрофилы или отчаявшиеся вдовы, чтобы вернуть умерших. Те воняли серой и палёной шерстью — отвратительно, но терпимо. Но этот запах... он был другим. Тяжёлым, маслянистым, сладким до тошноты — как лилии на кладбище, как старое вино, которое пили мёртвые. Запах власти. Запах древности. Запах того, кто стоял на ступеньку выше всего, что Грейман знал о Бездне.

Высший Демон.

«Творец, — подумал он, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, а внутренний зверь начинает биться в панике, требуя бежать, прятаться, спастись. — Она призывала Высшего. Полгода назад. Прямо здесь, в своей спальне. И он пришёл. И они... контактировали. Телесно. Иначе запах не въелся бы так глубоко».

За одно это её можно было отправлять в застенки инквизиции без всяких книг. Контакт с Высшим Демоном — это статья, по которой сжигали даже членов королевской семьи. Но он пришёл сюда не за этим. Его задание — кража фолиантов, а не охота на ведьм. Да и запах — это только запах. Инквизиции нужны доказательства, вещественные улики, а не чутьё полукровки-полуоборотня, которого большинство судей даже людьми-то не считают.

«Доказательства, — напомнил он себе, заставляя ноги двигаться дальше, вглубь комнаты. — Я здесь за доказательствами. А то, что она демонолог — это её проблемы. Пока не мои».

Он медленно обошёл спальню, стараясь ничего не трогать руками, чтобы не оставить следов. Здесь было тесновато — большая кровать с шёлковыми простынями, ростовое зеркало в серебряной раме, платяной шкаф, пара стульев, письменный стол у окна, заваленный книгами и свитками.

Грейман подошёл к столу. Книги — учебники, справочники, несколько детективных романов на полке. Тетради — исписанные аккуратным, убористым почерком, с рисунками магических схем на полях. Ничего подозрительного. Взял одну тетрадь наугад, перелистнул несколько страниц — и замер.

Стихи. Любовные стихи. Корявые, неуклюжие, с нарушенной ритмикой и рифмами вроде «любовь — кровь» и «страсть — упасть». Они были такими бездарными, что даже у него, человека, далёкого от поэзии как от магии оборотней, заныли зубы от этой графоманской боли.

И только перевернув ещё несколько страниц, он понял, что это не она их писала. Их писали ей. Десятки стихотворений, разных почерков — мужских, женских, студенческих, профессорских. Посвящения. Признания. Вздохи на тему «о прекрасная магесса, позвольте умереть у ваших ног». И все — одинаково бездарные, одинаково унылые, одинаково вызывающие желание закрыть тетрадь и больше никогда не открывать.

«Твои глаза — как два огня, сжигают душу и меня»...

Грейман поморщился. Такое даже в уездной газете не на-

печатали бы.

«Бедная, — подумал Грейман, и эта мысль пришла к нему сама собой, помимо его воли. — *Бедная девчонка. Ей приходится читать ЭТО*».

И тут же сам себя одёрнул, зло, с отвращением:

«Какая, к демонам, бедная? Ты что, забыл, кто она? *Магичка. Демонолог. Преступница. Вспомни, зачем ты здесь, и хватит себя жалеть*».

Он захлопнул тетрадь и отбросил её на стол с лёгким отвращением — не к Мии, а к тем идиотам, которые считали себя поэтами и заваливали её такой бездарностью.

«Ладно, — сказал он себе. — *Не за этим я пришёл*».

Он продолжил осмотр. Комод — нижнее бельё, чулки, какие-то шёлковые тряпки, которые он даже не стал рассматривать, чтобы не отвлекаться и не думать о том, как всё это выглядит на её теле. Платяной шкаф — платья, мантии, несколько костюмов. Всё чисто, аккуратно, без намёка на тайники или запрещённые артефакты.

И тут его взгляд упал на потолок. В углу комнаты была небольшая деревянная дверца — лестница на чердак. Обычная, неприметная, такая есть в каждом доходном доме. Но почему-то именно к ней был прикован его взгляд. Или не его — Мии. Её память, её ощущения подсказывали: там что-то важное. Там то, что она прячет.

Грейман подошёл к лестнице, потянул за верёвку — дверца открылась, и из темноты пахнуло пылью, сухим деревом

и... бумагой. Старой бумагой. Пергаментом. Книгами.

Он поднялся осторожно, ступенька за ступенькой, всё ещё удерживая чужую ауру на плечах, как мокрый плащ, от которого нельзя избавиться. Чердак встретил его полумраком и неожиданной, почти стерильной чистотой.

Это было странно. Обычно чердаки в доходных домах — пыльные, захламлённые, затянутые паутиной и заваленные сломанной мебелью, которую жильцы ленятся выбросить. Но этот... этот выглядел так, будто его убিরали каждую неделю. Ни пылинки на полу. Ни клочка паутины на стропилах. Доски пола — старые, но тщательно вымытые и даже, кажется, чем-то натёртые. У одной из стен стоял небольшой книжный стеллаж из светлого дерева. Рядом с ним — два низких кресла с потёртой, но чистой обивкой, а между ними — круглый столик, на котором поблёскивал забытый кем-то серебряный браслет.

Грейман принюхался — осторожно, профессионально, уже понимая, что здесь что-то не так. Запах был другим. Не таким, как в комнате Мии. Менее... хищным? Менее напряжённым? Здесь пахло пылью от книг, сухими травами, старым деревом, нагретым солнцем, — и ещё чем-то едва уловимым, цветочным, почти невесомым. Так пахнут духи, которыми пользуются очень осторожно, чтобы не привлекать внимания, но и не терять себя.

И ещё здесь был второй вход.

Грейман обернулся и заметил в противоположном конце

чердака ещё одну лестницу — такую же деревянную, как и та, по которой он поднялся, но ведущую в другую квартиру. Он напряг память — ту, чужую, что всё ещё висела на нём, как одолженный плащ, — и вспомнил. Соседка. Полуэльфийка. Сибил. Или, как они привыкли себя называть, Сибиэль. Они с Мией делили этот чердак на двоих, превратив его в общее учебное пространство — что-то вроде маленькой библиотеки, куда не заходят посторонние и где можно спокойно заниматься, не опасаясь чужих глаз.

«Две магички, — подумал Грейман с лёгкой брезгливостью. — Две. И обе, небось, такие же...»

Он не закончил мысль. Вместо этого подошёл к стеллажу и принялся разглядывать корешки.

Стандартные издания. История магии — четыре тома в тёмно-синих переплётах, истрёпанных от частого использования. Основы мироведения — два пухлых фолианта, заложённых закладками на разных страницах. Жития святых — тонкая книжица в мягкой обложке, явно не раз читанная, с загнутыми уголками. Жития великих магов — три тома, стоящие ровно, без закладок, почти нетронутые.

«Понятно, — хмыкнул Грейман мысленно. — Святых читаем, магами не интересуемся. Интересно, кто из них верующая? Мия? Или эта, полуэльфийка?»

Он перевёл взгляд ниже и заметил несколько книг, стоящих отдельно от остальных — на нижней полке, почти у самого пола, так что пришлось наклониться, чтобы разглядеть

корешки. Любовные романы. Два тома в ярких обложках с золотым тиснением — явно недешёвое издание, купленное, скорее всего, второй магичкой. И рядом с ними — толстый, зачитанный до дыр томик в кожаном переплёте, с выцветшим названием на корешке.

«Путешествие принца Рейгана по Империи».

Грейман усмехнулся — коротко, криво, почти против воли. Эту книгу он знал. Знал не потому, что читал — упаси творец, — а потому, что в Центральной Империи, или, как её ещё называли, Империи Дракона, она считалась чуть ли не запрещённой. Лет двести назад, когда она только вышла из-под пера какого-то придворного летописца, разразился грандиозный скандал. В книге описывались похождения одного из прошлых правителей Империи — принца Рейгана, который, судя по тексту, путешествовал по собственным владениям не столько с дипломатическими миссиями, сколько с миссиями совершенно иного рода. Автор не стеснялся в деталях: придворные дамы, поселянки, эльфийские танцовщицы, пара гномьих баронесс и даже, кажется, одна драконица в человеческом обличье — все они попадали в объятия августейшего путешественника, и каждая сцена была описана с такой откровенностью, что книгу запретили к распространению уже через месяц после выхода.

Что, разумеется, только подстегнуло её популярность. Добротный эротический роман, которыми зачитываются девушки от пятнадцати до пятисот, — Грейман не раз изымал

такие при обысках у подозреваемых. И каждый раз находил их в самых неожиданных местах: под подушкой у почтенной вдовы, в ящике с нижним бельём у скромной студентки, в тайнике за алтарём у храмовой служительницы.

«И эти туда же, — подумал он, возвращая книгу на место. — Магички, демонологи, а всё равно — тайком почитывают про принца и его похождения. Как все».

Он выпрямился и ещё раз обвёл чердак взглядом — теперь уже не её глазами, а своими, охотничьими, привыкшими подмечать детали. Два кресла. Одно — потёртое с левой стороны, на подлокотнике едва заметное пятно от чернил. Другое — почти новое, с аккуратно зашитой дырочкой на спинке. На столике между ними — две чашки. Одна пустая, чистая, перевёрнутая вверх дном. Вторая — с остатками давно высохшего чая на доньшке, с лёгким следом алой помады на ободке. Мия не красила губы. Значит, вторая.

«Сибизель, — повторил он про себя, запоминая. — Нужно будет проверить. Если они вместе снимают эту квартиру, она может знать больше, чем говорит. Или не говорит вообще. Но это потом».

Он ещё раз оглядел стеллаж — методично, сверху вниз, выискивая хоть что-то, что не вписывалось бы в картину прилежной студентки. Исторические труды, справочники, конспекты лекций, переписанные аккуратным женским почерком. Всё чисто. Всё невинно. Слишком чисто. Слишком невинно.

Грейман прищурился. Он знал это чувство — когда всё выглядит правильно, но неправильным кажется само отсутствие ошибок. Как комната, из которой убрали все улики. Как место преступления, которое тщательно вымыли, но забыли протереть одну-единственную ручку двери.

«Что-то здесь есть, — подумал он. — Что-то, чего я пока не вижу».

Он опустился на корточки, провёл ладонью по полу под стеллажом — и пальцы наткнулись на что-то маленькое, твёрдое, закатившееся под самую стенку. Грейман подцепил это ногтем, выкатил на свет...

Маленький уголёк. Чёрный, маслянистый, похожий на ритуальный уголь, которым чертят круги призыва. Но очень старый — почти рассыпающийся в пальцах, не способный больше ни к какой магии.

«Круги, — вспомнил он следы на полу в комнате Мии. — Здесь тоже чертили круги. Или тренировались. Или...»

Он не стал додумывать. Положил уголёк обратно, туда же, где нашёл, и вытер пальцы о штанину. Поднялся. Ещё раз оглядел чердак — чистый, ухоженный, уютный, пахнущий травами и цветочными духами.

«Ладно, — сказал он себе, разворачиваясь к лестнице. — Книг здесь нет. По крайней мере, тех, что я ищу. Но это ещё ничего не значит. Она прячет их где-то ещё».

Он остановился на полпути к лестнице, бросил последний взгляд на стеллаж и вдруг — впервые за всё время, что на-

ходилась в этом доме, — улыбнулся. Не злой, не хищной, не предвкушающей улыбкой охотника. А усталой, понимающей усмешкой человека, который внезапно узнал в своей жертве что-то до боли знакомое.

«Путешествие принца Рейгана, — повторил он про себя, качая головой. — Надо же. Даже у демонологов есть свои маленькие слабости».

Он начал спускаться вниз, в комнату Мии, и улыбка медленно сползла с его лица, уступая место привычной охотничьей сосредоточенности. Потому что маленькие слабости — это, конечно, забавно. Но они не отменяли главного.

Она что-то прятала. И он найдёт это. Чего бы ему это ни стоило.

Мия Ланкастер.

Выйдя из дома, Мия на секунду задержалась на крыльце, подставляя лицо прохладному ветру. Кожа всё ещё горела — не от возбуждения, нет, оно давно схлынуло, оставив после себя только лёгкую, приятную истому внизу живота, — а от азарта. Этот инквизитор, этот полукровка с серыми глазами и звериной повадкой, сам того не зная, вступил в игру, правил которой он пока не понимал. И от этого игра становилась только интереснее.

Она поправила строгое тёмное платье, проверила, ровно ли сидит пучок на затылке, и быстрым шагом направилась в сторону квартала магов.

Академия высилась впереди белоснежной громадой —

шесть этажей старинного камня, барельефы великих магов прошлого на фасаде, острые шпили башен, царапающие низкое серое небо. Над главным входом, как всегда, мерцал защитный купол — полупрозрачный, переливающийся от бледно-голубого к серебристому, он накрывал всё здание, включая внутренний двор и хозяйственные постройки. Привычное зрелище, на которое Мия обычно даже не обращала внимания. Но сегодня, проходя под аркой, она бросила на купол короткий, оценивающий взгляд — и заметила то, чего не замечала раньше. Третье плетение было ослаблено. Совсем чуть-чуть — словно кто-то небрежно затянул узел на невидимой нити, и теперь та едва заметно провисала.

«Странно, — подумала она, нахмурившись. — Защитный купол Академии — это не та вещь, которую можно „недотянуть“. За ним следит целый штат архимагов. И если он ослаб... значит, кому-то это выгодно. Или кто-то очень торопился».

Она мысленно сделала заметку, но отложила её на потом. Сейчас её ждало кое-что другое.

Вызов от архимага Калаиса, главы Академии, пришёл ещё вчера — казённый конверт с сургучной печатью, который она обнаружила под дверью вечером. Четыре короткие строки, написанные убористым, почти каллиграфическим почерком, каким пишут люди, привыкшие к перьям и свиткам больше, чем к живой речи:

«Мисс Ланкастер.

Прошу вас явиться в мой кабинет завтра, в одиннадцать утра.

Вопрос требует вашего присутствия.

Калаис.»

«Вопрос требует вашего присутствия». Ни угрозы, ни срочности — обычная, стандартная формулировка. И именно это настораживало. Мия не была личной ученицей архимага. Она вообще не входила в число избранных — тех, кого старик отмечал на лекциях, кому давал частные консультации, кого готовил к большой политической карьере. Она была просто студенткой. Одарённой, сильной, одной из лучших на курсе — но всё же просто студенткой, каких в Академии училось несколько сотен. Архимагу не было до неё никакого дела.

И вдруг — вызов. Личный. В кабинет.

Это вызывало вопросы. И лёгкое, почти незаметное беспокойство — где-то на границе сознания, как далёкий звон колокола перед грозой.

По учёбе у неё нареканий не было — все экзамены сданы досрочно и с высшими баллами, практические работы выполнены, задолженностей нет. С сомнительными компаниями она не общалась — да и какие в Академии компании? Половина студентов её боялась, вторая половина пыталась подражать, но быстро отставала, поняв, что угнаться за её темпом невозможно. Друзей у неё не было — только Сибиэль, но Сибиэль, во-первых, не компания, а соседка, а во-

вторых, она была слишком тихой и незаметной, чтобы считаться «сомнительной».

«Может, дело в моей силе?» — подумала Мия, поднимаясь по ступеням Академии.

Она уже давно перестала скрывать, что её магический резерв значительно превосходит стандартный уровень выпускницы. Это было невозможно скрыть — слишком много свидетелей, слишком много замеров на практических занятиях. Но она никогда не показывала всего. Только верхушку айсберга — ту часть, которую можно было списать на «врождённый талант» и «хорошую наследственность». Истинные масштабы того, во что превратилось её ядро после той ночи с Кроном, не знал никто. Даже Сибиэль. Даже сам Крон, скорее всего, не представлял, какой подарок он ей оставил вместе с книгами.

«Но архимаг не мог этого заметить. Никто не мог. Я слишком хорошо экранируюсь. Тогда зачем я ему?»

Она уже поднялась на третью ступеньку главного крыльца, когда в грудь внезапно кольнуло — остро, холодно, как укол длинной иглы прямо в солнечное сплетение.

Мия остановилась.

Это сработало заклинание на её двери. То самое, которое она настроила на несанкционированное проникновение. Кто-то пытался войти в её квартиру. И этот «кто-то» уже получил первый, предупредительный разряд — достаточно сильный, чтобы отбросить взрослого мужчину к противопо-

ложной стене, но недостаточный, чтобы убить.

«*Вот урод*, — подумала она, сразу поняв кто мог ломиться к ней, и мысль эта была почти весёлой. — *Решил всё же обыскать, пока я отсутствую. Мразь*».

Злость пришла не сразу. Сначала — брезгливость. Мелкая, липкая, как паутина на лице. Он не был магом. Он вообще не понимал, с чем имеет дело. Даже лучшие маги Академии не нашли ничего при обыске полгода назад — ни в её квартире, ни в ауре, ни в пространственном кармане, который они проверяли трижды. А этот... этот самоуверенный полукровка с амулетом, который он считал невидимым, решил, что справится лучше?

Она не беспокоилась о том, что он что-то найдёт. Истинные книги — те, что Крон принёс ей, — были спрятаны так, как не прячут даже королевские реликвии. На чердаке. В самом тёмном месте — прямо под свечой. Там, где они стояли на виду, в ряду таких же старых, ничем не примечательных фолиантов, замаскированные под учебники по истории магии. Даже Сибиэль, которая брала эти книги, листала их, переставляла с места на место, не видела их истинной сути. Иллюзия, наложенная Кроном, была безупречна. Она пропускала через себя только ту, на кого была настроена — Мию. Для всех остальных это были просто старые книги по истории магии. Скучные, пыльные, никому не нужные.

«*Что уж говорить про этого блохастого уиллёпка*, — подумала она, снова начиная подниматься по ступеням. — Он

даже магического зрения не имеет. Только свой звериный нюх. А нюхом книги не прочитаешь».

И всё же сама мысль о том, что он сейчас там, в её квартире, роется в её вещах, дышит её воздухом, трогает её книги и, возможно, её бельё — эта мысль была противна. Не пугающа — противна. Как если бы в чисто убранную комнату запустили бродячего пса, и он теперь тычется мокрым носом во все углы, оставляя грязные следы на полу.

«Не возвращаться же и не устраивать скандал, — одёрнула она себя, поднимаясь по широкой мраморной лестнице Академии. — Демоны с ним. Пусть вынюхивает. А вечером я отыграюсь».

Она представила, как он будет сидеть напротив неё в ресторане, пытаясь делать вид, что всё под контролем, что это он здесь главный, что это он ведёт допрос, — и как она будет медленно, глоток за глотком, выбивать у него почву из-под ног. Эта мысль была приятной. Гораздо приятнее, чем мысль о том, что он сейчас копается в её комод.

Но была и ещё одна мысль — более практичная. Мия понимала: раз он уже получил разряд, значит, первая ловушка сработала. И если он не идиот — а он не производил впечатления идиота, скорее наоборот, впечатление было, что он умнее, чем хочет казаться, — то он не остановится. Он будет искать дальше. Пройдёт в спальню, потом в ванную, потом... да, он точно найдёт лестницу на чердак. А на чердаке — книги. Пусть замаскированные, пусть невидимые для его

магического зрения (которого у него попросту нет), но сам факт того, что он там побывает, был Мии неприятен.

«Значит, — подумала она холодно, — нужно сделать так, чтобы его визит ко мне не остался без последствий».

Она прикрыла глаза на мгновение — ровно на секунду, не больше, — и по мысленной связи активировала вторую ловушку. Ту, что была спрятана в двери чердака.

Это было небольшое проклятье — из тех, что не убивают, не калечат и даже не выдают себя сразу. Во второй книге, которую принёс ей Крон, был раздел что назывался: *«Принципы построения заклинаний: эффективность и экономия»*. Все было написана на удивление простым языком — никакой вычурной займи, никаких сложных формул на древнеэльфийском. Только суть. Только то, как строить чары так, чтобы они работали в несколько раз эффективнее тех, что преподавали на курсах, и требовали при этом вдвое меньше маны.

Именно оттуда Мия взяла это проклятье.

Оно было почти неощутимым — лёгкое, как дуновение сквозняка, безобидное, как чихание. Но крайне эффективное, чтобы Мия тут же внесла его в защиту своего дома. Стоило кому-то коснуться двери чердака, не будучи ею или Сибиэль, как проклятье мягко, незаметно проникало в организм и засыпало там на месяц. Никаких внешних проявлений. Никаких следов в ауре. Даже опытный маг не смог бы его обнаружить — слишком тонкая работа. А через месяц...

через месяц начиналось самое интересное.

Расстройство желудка.

Не смертельное, не болезненное — просто неприятное. Вздутие, испорченный воздух и жидкий стул, которые проявлялись только в одном-единственном случае: при эрекции.

Мия усмехнулась про себя, продолжая подниматься по лестнице. Это было почти детской шалостью — не взрослое боевое проклятье, а скорее розыгрыш, который могли бы придумать студенты-старшекурсники, чтобы подшутить над неугодным преподавателем. Но в этом и была его прелесть. Никто никогда не свяжет такое с ней. Никто не догадается, что причина — в двери чердака, которую он потрогал месяц назад. А он сам будет гадать, что с ним не так, и, возможно, даже пойдёт к лекарю — который, разумеется, ничего не найдёт.

«Маленький подарочек тебе, инквизитор, — подумала она, чувствуя, как настроение стремительно улучшается. — Будешь знать, как лазить по чужим чердакам. И по чужим спальням».

К тому же — и тут Мия нахмурилась уже всерьёз, — в его ауре было что-то странное. Что-то, что она смогла почувствовать, несмотря на амулет, который он носил. Амулет был хорош — профессиональный, артефактный, явно сделанный на заказ. Он практически полностью скрывал истинную природу его ауры, оставляя только серую, размытую оболочку, которую обычный маг принял бы за слабый магический фон

полукровки. Но Мия не была обычным магом.

Ещё раз спасибо Крону за его книги.

В разделе под названием «*О природе сокрытого*» училось видеть не магию, а её отсутствие. Не ауру, а дыры в ней. Не амулет, а то, что он пытается скрыть. И то, что Мия увидела сквозь защиту Греймана, заставило её насторожиться.

Там, под серой оболочкой, пряталось что-то ещё. Что-то тёмное, дикое, первобытное. Не демоническое — демоническую энергию она теперь узнавала сразу. Нет, это было что-то другое. Что-то, чего она пока не понимала, но что вызывало у неё смутное, тревожное любопытство.

«Вечером узнаю, — решила она, останавливаясь перед массивной дубовой дверью с табличкой „Приёмная архимага“. — Если он, конечно, не сбежит из города после того, как получит ещё пару разрядов на моих дверях».

Она толкнула дверь и вошла.

Приёмная архимага была огромной, величественной и абсолютно пустой. Высокие окна от пола до потолка, занавешенные тяжёлыми бордовыми шторами с золотыми кистями. Мраморный пол, натёртый до зеркального блеска, в котором отражались хрустальные люстры. Вдоль стен — стеллажи с книгами в кожаных переплётках, старинные глобусы, карты звёздного неба и пара портретов прежних глав Академии, глядящих на посетителей с той особой, чуть презрительной мудростью, какая бывает только у мёртвых магов.

За массивным столом у входа скучал молодой парень-сек-

ретарь — прыщавый, с рыжеватыми кудрями, в очках с толстыми стёклами, которые он то и дело поправлял на носу. Он выглядел так, будто его поставили сюда в наказание и он мечтает только об одном — чтобы рабочий день наконец закончился. Увидев Мию, он заметно оживился — впрочем, оживлялись при виде неё почти все.

— Госпожа Ланкастер? — спросил он, почему-то понизив голос до шёпота. — Архимаг Калаис ждёт вас. Просил доложить сразу, как вы придёте.

— Докладывайте, — спокойно ответила Мия, подходя к столу.

Секретарь кивнул, вскочил со стула и исчез за дверью кабинета, оставив Мию одну в огромной, гулкой приёмной.

Она стояла посреди мраморного пола, глядя на закрытую дверь, и пыталась унять странное, незнакомое чувство, которое вдруг шевельнулось где-то в груди. Это был не страх. Скорее — предчувствие. Смутное, неоформленное, но отчётливое.

Дверь кабинета открылась, и секретарь высунул голову наружу:

— Госпожа Ланкастер, архимаг ждёт. Прошу вас.

Мия вдохнула глубоко, выдохнула — и шагнула в кабинет.

Архимаг Калаис.

Архимаг Калаис неторопливо перелистывал страницы личного дела одной из своих учениц. Точнее, это она считала себя просто ученицей — одной из нескольких сотен, зате-

рянной в толпе таких же одарённых юнцов и юниц, что ежегодно проходили через стены Академии. Но Калаис никогда не полагался на формальные списки. Он привык отслеживать тех, кто выделялся. А эта выделялась. Ещё как.

Мия Ланкастер. Двадцать три года. Поступила в Академию два года назад — поздно, очень поздно по меркам магического образования, большинство начинали лет в пятнадцать-шестнадцать. И тем не менее — лучшие баллы на курсе, досрочная сдача всех экзаменов, феноменальные результаты по практическим дисциплинам. Никаких нареканий по поведению. Никаких связей с сомнительными компаниями. Тихая, прилежная, до неприличия одарённая ученица, которая каким-то непостижимым образом за два года прошла путь, на который у других уходило десять.

И вот теперь она готовилась сдавать выпускной экзамен. В двадцать три года.

Это было невозможно.

То есть теоретически — да, бывали уникамы. Раз в поколение, а то и реже. Но у тех уникамов обычно обнаруживалась соответствующая родословная — древний магический род, несколько поколений архимагов за плечами, фамильные артефакты и доступ к знаниям с пелёнок. У Мии Ланкастер из перечисленного списка не было НИЧЕГО. Обычная семья. Отец маг средней руки сдавший на ту ступень, что недавно и его дочь в сорок лет. Мать служанка в трактире. Самое обычное происхождение. Никаких связей. Ника-

ких покровителей. И такой взлёт.

Калаис не верил в чудеса. Он верил в магию, в знания, в упорство. Теоритически могло быть так, что ее отец не тот о ком она думала. В трактирах на верхних этажах происходит всякое. Но это сомнительно. Во-первых он отлично помнил Симона Ланкастера. И у Мии однозначно были его черты. А еще он верил в кражи. Когда полгода назад из запретной секции пропали несколько фолиантов, первым делом проверяли всех студентов, которые показывали аномально быстрый прогресс. Мия Ланкастер попала в этот список первой. Но, как он знал, обыск ничего не дал — ни в её квартире, ни в ауре, ни в пространственном кармане. Следствие зашло в тупик, инквизиторы ограничились формальным допросом и убрались восвояси. А студентка Ланкастер продолжила учиться. Ещё лучше. Ещё быстрее. Словно кто-то дал ей ключ от двери, которую для всех остальных держали закрытой.

«Что ж, — подумал Калаис, закрывая папку и отодвигая её в сторону, — *сейчас и проверим*».

В дверь тихо постучали.

— Войдите, — произнёс он, не поднимая глаз.

Дверь приоткрылась, и в кабинет вошла она.

Мия Ланкастер оказалась именно такой, какой он её представлял по описаниям и отчётам. Средний рост. Тёмные волосы, убранные в аккуратный пучок. Строгое тёмное платье без единого украшения. Прямая спина, спокойный, чуть на-

стороженный взгляд зелёных глаз. Она не робела — это Калаис отметил сразу. Большинство студентов, впервые попавших в кабинет архимага, начинали нервничать ещё на пороге: теребили манжеты, прятали глаза, сбивались с шага. Эта же вошла спокойно, словно каждый день бывала в кабинетах такого уровня.

«Уверенная, — отметил он про себя. — И не показная уверенность, не бравада. Настоящая».

— Старшая ученица Мия Ланкастер, — произнесла она ровным, хорошо поставленным голосом. — Вызывали, архимаг Калаис?

— Вызывал, — кивнул он, указывая ей на кресло напротив. — Присаживайтесь. Разговор будет недолгим, но важным.

Она села — плавно, аккуратно, не суетясь. Положила руки на колени. Подняла глаза.

И в этот момент Калаис посмотрел на неё по-настоящему. Не глазами — глазами он видел то же, что и все: красивую молодую женщину с бледной кожей и яркими зелёными глазами, спокойную, сдержанную, внимательную. Он посмотрел на неё магическим зрением — тем особым, глубинным, которое было доступно только архимагам его уровня и которое позволяло читать ауру так же легко, как обычный человек читает раскрытую книгу.

И то, что он увидел, заставило его на мгновение замереть. Её защита была хороша. Очень хороша для её возраста и

уровня. Многослойная, грамотно выстроенная, с ложными контурами и отвлекающими элементами, которые сбили бы с толку даже опытного мага. Но для Калаиса всё это было не более чем прозрачной накидкой на голое тело. Он видел сквозь неё так же ясно, как видел бы сквозь чистое стекло.

И то, что скрывалось под ней, поражало воображение.

Магическое ядро — плотное, пульсирующее, переполненное до краёв чистой, концентрированной силой. Такого резерва не было даже у некоторых выпускников, проучившихся пятнадцать лет. Оно было не просто большим — оно было... другим. Расширенным. Усиленным. Словно кто-то взял обычный магический сосуд и растянул его изнутри, увеличив вместимость в несколько раз. Калаис знал только один способ добиться такого эффекта — контакт с сущностью иного плана. С очень сильной сущностью.

Он скользнул взглядом глубже, в самые истоки ауры, — и увидел отметки. Демонические отпечатки, которые невозможно было спутать ни с чем другим. Они были старыми, полугодовой давности, почти растворившимися — но всё ещё различимыми. И они были знакомыми. До боли. До зубового скрежета. До желания немедленно начертить вызывной круг и устроить одному хвостатому наглецу такую взбучку, какой тот не получал со времён их последней совместной попойки в Империи Дракона.

«Вот же зараза хвостатая».

Калаис едва не произнёс это вслух. Ему стоило немалых

усилий сохранить невозмутимое выражение лица, пока внутри у него всё бурлило от возмущения, смешанного с неожиданной, почти отеческой досадой — и ещё с чем-то, что он с неудовольствием опознал как самоиронию пополам со смехом над самим собой.

Крон. Это был Крон. Крон, который был не просто каким-то там Высшим Демоном, с которым он когда-то давно пересёкся по работе. Нет. Крон был его другом. Одним из двух ближайших друзей, с которыми он прошёл огонь, воду, Бездну и пару дворцовых переворотов. Они до сих пор общались — пусть нерегулярно, пусть через пространственные карманы и зашифрованные послания, но общались. Помогали друг другу. Выручали. Делились новостями, артефактами, а иногда — просто бутылкой хорошего эльфийского вина, которое Калаис пересылал Крону, а тот каким-то непостижимым демоническим образом умудрялся пить его в Бездне без всякого вреда для организма.

И вот теперь этот хвостатый плут объявился в его городе. В его Академии. Призванный его собственной студенткой. И, скорее всего, с помощью собственоручно созданного свитка.

Вот тут-то Калаиса и накрыло окончательно.

Он вдруг вспомнил. Полгода назад — как раз незадолго до кражи — он передал наставнику младших курсов несколько учебных материалов для практических занятий по демонологии. Среди них был свиток «добровольного соглашения»

— старый, проверенный, из тех, что сам Калаис использовал в молодости для призыва Высших Демонов. Он тогда ещё подумал мельком: «Пусть студенты посмотрят, как выглядит настоящий контракт, а не эти их детские круги подчинения». И забыл об этом. Напрочь забыл. А свиток, судя по всему, использовали не в учебной аудитории. А потом выучили. Прочитали вслух. И использовали. Успешно. С феноменальным, просто выдающимся результатом.

«То есть, — медленно, с наслаждением мазохиста осознал Калаис, — я сам дал ей ключ. Сам положил свиток в учебную аудиторию. Сам не проверил, кто и когда его брал. Старый идиот. Надо будет рассказать Реднасу — он обхохочется. А Крону — нет. Крону рассказывать не буду. Он и так уже, наверное, знает. И смеётся. Там, у себя в Бездне. Хвостом своим поганым помахивая».

И даже не зашёл. Не прислал весточку. Не сказал: «Слушай, Калаис, у тебя тут студентка одна есть, Мия Ланкастер. Очень перспективная. Я ей книги подкинул, присмотри за ней, ладно?» Нет. Просто появился, выпил — в переносном смысле, а может, и в прямом — и исчез. Как вор. Как тать в ночи.

А я-то, дурак, всё думал, почему эти фолианты так легко ушли. Да потому что ни один вор не справился бы с теми защитами, кроме того, кто сам их помогал ставить! Кроме того, кому я сам, лично, показывал, как обходить четвёртый контур! Кроме моего собственного друга, который...»

Он осёкся, поняв, что ещё немного — и начнёт скрипеть зубами вслух.

Ему вдруг отчаянно хотелось вызвать Крона прямо сейчас — и хорошенько накрутить ему этот самый хвост. Натурально. Как в старые добрые времена. Чтобы тот хоть раз в жизни почувствовал себя не Высшим Демоном, а нашкодившим котёнком, которого тычут носом в лужу.

«Ладно, Крон, — подумал он, возвращаясь мыслями к делу и с трудом подавляя усмешку. — С тобой я разберусь позже. Очень позже. И очень подробно. А пока... раз ты дал ей книги, значит, ты видел в ней потенциал. А ты никогда не ошибался в таких вещах. Значит, и я не ошибусь. Но в следующий раз, когда явишься в мой город — изволь хотя бы поздороваться. Иначе я лично подберу заклинание, от которого у тебя хвост неделю чесаться будет. В труднодоступном месте».

— Я слышал, вы уже сдаёте экзамены на полноценного мага, — произнёс он вслух, складывая пальцы домиком перед лицом. — Это впечатляет. Очень впечатляет. Особенно с учётом того, что вы поступили в Академию всего два года назад.

— Благодарю, архимаг, — ответила она ровно, не опуская глаз. — Я много занималась.

— Я вижу, — он чуть заметно усмехнулся, и в этой усмешке, невидимой для Мии, промелькнуло всё сразу: и досада на самого себя, и ирония над собственной недогадливостью, и

невольное уважение к этой дерзкой девчонке, которая умудрилась обвести вокруг пальца и его, и всю Академию. — Вижу. И именно поэтому я хочу предложить вам... небольшую задержку.

Мия нахмурилась — едва заметно, лишь тень пробежала по её лицу.

— Задержку?

— Я думаю, что с выпускным экзаменом стоит повременить, — продолжил Калаис, внимательно наблюдая за её реакцией. — Не потому, что вы не готовы. Напротив — вы готовы лучше многих. Но я хочу, чтобы вы получили ещё кое-какой опыт. Опыт, который невозможно приобрести в стенах Академии. Я предлагаю вам пройти небольшую стажировку у эльфов. Для повышения уровня. Считайте это преддипломной практикой.

Он замолчал, давая ей переварить услышанное. И увидел именно то, что ожидал: сначала — недоверие, потом — удивление, потом — быстро мелькнувшую тень подозрения («Почему я? С чего такая честь?»), и, наконец, — осторожный, но искренний интерес.

— У эльфов? — переспросила она.

— Да. С королём эльфов Альдавейном и эльфийским архимагом я договорился. Они не будут против, если вы поживёте в его дворце и поучитесь чему-нибудь новому у придворных магов. Эльфийская магия... отличается от человеческой. И этот опыт будет для вас бесценен.

Он сделал паузу, давая ей возможность осознать масштаб предложения. И ответ пришёл быстрее, чем он ожидал.

— Я согласна.

Калаис едва заметно улыбнулся. Вот так. Без колебаний. Без лишних вопросов. Без «можно мне подумать?» или «почему именно я?». Просто «да». И в этом «да» было столько спокойной, уверенной решимости, что он в очередной раз мысленно похвалил Крона — и тут же на него же мысленно разозлился за то, что тот не зашёл, а его, Калаиса, выставил дураком перед самим собой.

— В таком случае, вот документы, — он подвинул к ней папку с бумагами. — Сопровождающих, извините, не будет. Добирайтесь сами. Я полагаю, для мага вашего уровня дорога до Эльфийского королевства не составит проблемы.

Мия взяла папку, быстро пролистала документы и кивнула:

— Не составит.

— Вот и отлично. Выезжайте на неделе. И, мисс Ланкастер... — он сделал паузу, дожидаясь, пока она поднимет на него глаза. — Я слежу за вашими успехами уже довольно давно. И должен сказать — я впечатлён. Не разочаруйте меня.

Что-то промелькнуло в её глазах — быстрое, почти неуловимое. Возможно, она поняла, что он знает больше, чем говорит. А возможно, просто оценила комплимент. В любом случае, она встала, слегка поклонилась и направилась к выходу.

Когда дверь за ней закрылась, Калаис откинулся на спинку кресла, прикрыл глаза и позволил себе наконец тихо, с чувством рассмеяться.

Глава 4. Ужин

Мия Ланкастер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.